

Злоречие

иллюстрированная история

Юлия Щербинина

Юлия Владимировна Щербинина

Злоречие.

Иллюстрированная история

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56954866

Злоречие: Иллюстрированная история / Ю. Щербинина: Неолит;

Москва; 2019

ISBN 978-5-6042415-1-6

Аннотация

Доступный и увлекательный рассказ о негативных явлениях речи и формах словесной вражды от древности до современности. Интереснейшие исторические факты и яркие литературные примеры, синтез научного подхода и популярного изложения заинтересуют как специалистов-гуманитариев, так и всех неравнодушных к актуальным проблемам языка и коммуникации. В книге более 400 тематических иллюстраций с искусствоведческими и речеведческими комментариями.

Содержание

Гортань – открытый гроб	12
Глава I	22
Кража чести	25
Инверсия справедливости	32
Собаки демоса	34
Мораль рабов	39
«Состязание в негодяйстве»	43
Битвы чернильниц	51
Оранжерея законотворчества	55
От Боттичелли до Карраччи	58
Летучая и ползучая	66
Салон леди Снируэл	69
К боярину с наветом	75
Словарь клеветы	80
Кликтуницы – клеветницы	83
Аттракционы памятозлобия	86
Нетерпимость vs полезность	91
Участь Чацкого	95
Фискалы, филеры, сексоты	98
Змея с зелеными глазами	102
Лучше стучать	110
Национальный спорт	114
«Алмазная оправка»	117

Глава II	120
Человек – рана	123
Поцелуй корову в зад!	128
На обиженных воду возят	134
«Мерзость, потеха и лоб деревянный...»	138
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Злоречие

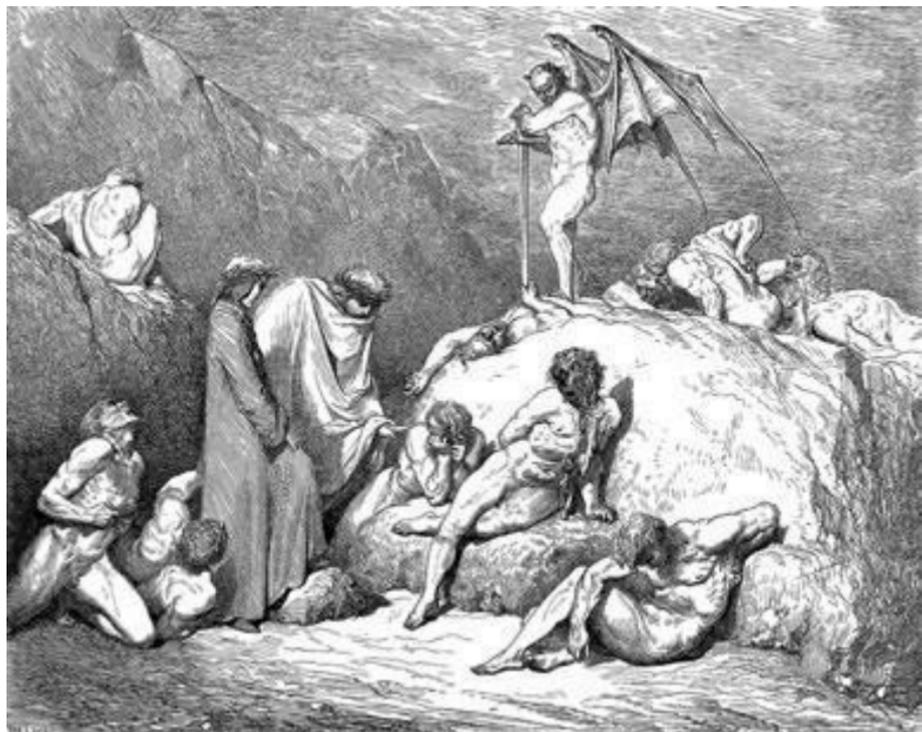
иллюстрированная история

Юлия Щербинина

Злоречие:

**Иллюстрированная
история**

© Щербина Ю.В., 2019

© Издательский дом «НЕОЛИТ», 2019

Гортань – открытый гроб

*Если заочно злословит кто друга; или, злоречье
Слыша другого о нем, не промолвит ни слова
в защиту; Если для славы забавника выдумать
рад небылицу Или для смеха готов расславить
приятеля тайну: Римлянин! Вот кто опасен, кто
черен! Его берегись!*

Гораций «Сатиры» (пер. М. Дмитриева)

*Злословить, и остро при этом,
Весьма приятно, милый мой.
Ведь было сказано поэтом:
Злословье греет нас зимой
И освежает жарким летом.*

*Лопе де Вега «Валенсианская вдова»
(пер. М. Лозинского)*

*Сюда, о клеветницы, стар и млад,
Ходячее злословье, станьте в ряд,
Чтоб нашей теме был противовес,
Как гимну – пасквиль, как святому – бес.*

*Ричард Шеридан «Школа злословия»
(пер. М. Лозинского)*

На фоне глобальных мировых проблем злоречие кажется и не проблемой вовсе – едва ли не досадной мелочью, чем-

то малосущественным и неопасным. Враждебность ретушируется смягченными формулировками и подменяется эвфемизмами «словесная несдержанность», «активность в диалоге», «напористость в общении». Злоязыких называют сильными, настойчивыми, энергичными. На тех же, кто не склонен к грубости, ставится клеймо «слабака», неспособного дать словесный отпор, завоевать авторитет.

Однако злоречие – капкан наподобие ящика с апельсином в известном фокусе с обезьяной. В стенке ящика проделывают небольшую дыру, обезьяна сует в ящик лапу и хватается апельсин, но вытащить через дыру не может, бросить добычу тоже не может – так и сидит возле ящика, пока ее не схватит хитрый охотник. Так и человек не в силах остановиться, начав сплетничать, насмехаться, сквернословить... Злоречие незаметно встраивается в структуру личности, в иерархию жизненных ценностей, в систему социальных отношений.

Негативные явления коммуникации традиционно соотносят с речевой агрессией как словесным выражением отрицательных эмоций и враждебных намерений. В англоязычных исследованиях используются также понятия *verbal aggression* (вербальная агрессия), *verbal abuse* (жестокое словесное обращение), *insult* (нанесение оскорбления), *cursing* (сквернословие, ругань, проклятие). Между тем, понятие «речевая агрессия» не отражает всей глубины, многообразия возможностей и вариантов причинения вреда посредством речи.

Не будучи научным термином, *злоречие* куда более всео-

хватно и многомерно раскрывает разнообразные формы словесного зла. Злоречие не сыграешь в трех аккордах – это богатейшая партитура смыслов, побуждений, намерений. Оно не поддается универсальному определению. Это не только оскорбления, угрозы, насмешки, но и более сложные речеповеденческие комплексы: глумление, хамство, богохульство...

Злоречие часто отождествляют со *злословием*. Объективно контекст злословия более узок и соотносится преимущественно с осуждением и сплетничеством. В Словаре русского языка XI–XVII веков злословие разъясняется как калька латинского *maledicentia* в значении «брань, оскорбление». Злоречие – более масштабное и объемное – обобщает целый ряд смежных понятий, прежде именовавшихся *вредословием*, *гнилословием*, *жестокословием*, *кощунословием*, *неблагодарословием*, *срамословием*, *худословием*... К архаическим синонимам злоречия можно отнести *гаждение* – поношение, хуление, бесчестье.

Изучать злоречие начали еще в Античности. Его определению и классификации посвящена часть знаменитого очерка «Характеры» древнегреческого философа Теофраста. Древнеримским политиком и писателем Катон Старшим сформулированы этические максимы, среди которых «Не будь злоречивым», «Не осуждай», «Ни над кем не смейся». Одновременно уже в Древнем мире были профессионалы злоречия: сикофанты, делатории, выдалбливатели таб-

личек с проклятиями.

При этом в разные эпохи общественная оценка менялась вплоть до переключения полюсов. Так, доносчиков-делаторов в Древнем Риме сначала поощряли, затем презирали, позднее и вовсе изгоняли. А вот жестко пресекавшееся в традиционных обществах богохульство впоследствии едва ли не поощрялось, вспомнить хотя бы период воинствующего атеизма в СССР.

Однако, в целом, злоязычие издревле считается гибельной страстью, искажающей человеческую природу. В Послании святого апостола Павла к Римлянам гортань нечестивых уподоблена открытому гробу. Этот сколь памятный, столь и устрашающий образ, взятый из пятого Псалма, обличает словесное непотребство – прежде всего хулу и клевету. Не в силах изречь себя устами божества, зло говорит устами убожества. То громогласное, то вкрадчивое, оно вроде внутри человека – как адский механизм, а вроде бы и вовне – как дьявольское искушение. «Кто хочет преодолеть дух злоречия, тот пусть винит не человека, подвергающегося падению, но внушающего сие демона», – сказано в «Лествице», духовном сочинении византийского богослова Иоанна Лествичника.

Злоязычие – инфернальное «потусторонье» речи, альтернативная словесная реальность. И в предзакатных сумерках поздней Античности, и в предрассветных лучах эпохи Возрождения, и в негасимом свете Нового времени речевое «ан-

типповедение» так или иначе маркировано, по-особому отмечено. Его можно опознать прежде всего по несоответствию сложившемуся порядку и предустановленному идеалу.

Здесь обнаруживается теснейшая взаимосвязь этики с эстетикой. Моральное наделяется свойствами прекрасного. Простейший и нагляднейший пример – отрицательно оценочные реплики. Как мы чаще всего выражаем осуждение или неприятие? Он поступил *некрасиво*; очень *неприглядное* поведение; просто *нелепость* какая-то!; *непригожие* слова (устаревшее обобщенное название оскорблений и ругательств); что за *безобразие!*; вот ведь *урод!*

При этом на одном полюсе злоречия оказываются естественные, природные речеповеденческие реакции – например, насмешка. Потому и относились к ней издревле менее строго, чем к другим формам словесных нападков. На другом полюсе – речевые аномалии и перверсии, в частности, глумление как изощренное издевательство ради удовольствия. Патологическое злоречие не просто порочно – оно бесчеловечно, это предел антиповедения.

Злоречие – ребус, не имеющий решения. Оно во многом иррационально и непостижимо, неподвластно формальной логике и механическому описанию. Исторически это связано отнюдь не только с магическими практиками (проклятие, сквернословие), но и непосредственно с общением. С одной стороны, *обижать* часто равнозначно *играть* – развлекаться, наслаждаясь злом. Иррациональность – в способности

злоречия быть извращенным удовольствием. С другой стороны, нечаянно причинив зло словами, мы порой говорим с досадой: *черт за язык дернул!* Поминание черта – косвенное самооправдание и перекаладывание ответственности. Дескать, я не виноват – просто так получилось, меня как бы принудили.

Иррациональность злоречия наиболее заметна в исторической ретроспективе и на обширном словесном материале – от летописей и философских трактатов до мемуаристики и беллетристики. В библиографическом списке отражены только основные из использованных источников: крупные монографии, научно-популярные книги авторитетных специалистов, тексты позапрошлого и начала прошлого веков, англоязычные работы. Вся история злоречия не набор тематических сведений, а захватывающее приключение идей. Великая битва чернильниц и мировая война книг.

Наряду с фактическими сведениями активно задействованы исторические анекдоты и народные легенды – как хрестоматийные (например, об Апеллесе и сапожнике), так и менее известные (вроде деталей казни Цицерона). Для уяснения сути злоречия иногда важнее не достоверность информации, а ее легендирование. Здесь редкий случай, когда сам процесс баснословного сочинительства, обрастание событий домыслами и вымыслами подчас раскрывают явления объективнее, чем скрупулезное уточнение и кропотливая сверка фактов. Легенды и анекдоты нужны не для дока-

зательной базы, а для полноты картины – полифонии суждений, многоголосицы оценок.

Злоречие впечатляюще метафорично. Наиболее последовательное и типичное его представление в европейской лингвокультуре – *словесный бестиарий*: оскорбление – собака, клевета – змея, насмешка – обезьяна, сплетня – сорока... Известный афоризм Диогена: «Злословец – самый лютейший из диких зверей». Среди других популярных метафор – колюще-режущие инструменты, различные виды оружия, вирусы, яды. Заглядывая в прошлое, мы увидим, как эти общие аналогии отливаются в конкретные образы, отражаются художественной литературой и оживают в изобразительном искусстве.

В книге более четырехсот репродукций произведений живописи и графики разных эпох. От широко растиражированных образцов визуализированной речи вроде «Фламандских пословиц» Брейгеля или «Клеветы» Боттичелли, – до малоизвестных работ европейских и отечественных художников. Многие иллюстрации сопровождаются искусствоведческими справками и пояснительными комментариями.

Общая структура книги стремится к повествовательной цельности, но не имеет композиционного единства. Одни главы организованы хронологически: показывают этапы эволюции разных форм злоречия (клевета, проклятие, богохульство). Другие подчинены кластерному принципу: описывают частные явления внутри общего (оскорбление, по-

рицание, сквернословие). Некоторые главы построены по принципу «кругового обхода»: отдельная проблема помещена в центр и рассмотрена с разных сторон (глумление, хамство, ссора).

Специфичность проблематики требует особого предупреждения относительно ненормативной лексики: она представлена без отточий. Это настоятельно продиктовано необходимостью объективного и достоверного предъявления словесного материала. К тому же научная этика предписывает цитирование без купюр, если таковые отсутствуют в исходных текстах.

Однако исследовать словесное зло не значит снимать крышку с гроба и выпускать наружу смрад и тлен. Здесь напрашивается иная образность: обнаружение и обезвреживание демонов, обитающих в «потусторонье» речи. Помимо всего прочего, *языковедие* – как еще называли его в старину – мощнейший двигатель ментальных процессов, эффективный инструмент общественного управления и род социальной магии. Это очередная объяснительная метафора и лейтмотив настоящей книги.

Современность создала множество прогрессивных технологий в самых разных областях, но до сих пор не изобрела надежной защиты от злых слов. Слова давно уже не всевластны, но по-прежнему непобедимы. Библейское определение *lingua dolosa* (язык лукавый, коварный) вечно актуально. И сегодня, как всегда, «жизнь и смерть во власти языка».

При этом само злоречие – неиссякаемая тема досужих разговоров и постоянный объект обличительных острот. Его гримасы проглядывают в античной мифологии, его личины скрываются в средневековой символике, его снисходительная ухмылка сквозит между строк полемических текстов Нового времени, его звериный оскал мерцает в черных зеркалах смартфонов... Мы так много говорим о нем – но еще больше оно говорит о нас.

Как относиться к тому, что неизбежно и неискоренимо? Старательно отводить взгляд от разверстой гортани-гроба? Стеречь родных и близких над пропастью во ржи? Неустанно работать над собой, отделяя зерна добрословия от плевел злоречия? Книга не дает ответов, но рассказанные в ней истории взыскуют внимания и участия.

Алексей Бельский «Не делай зла и не досаждай никому»,
из серии нравоучительных картин-панно, исполненных для
украшения Смольного института, 1771, холст, масло

Глава I

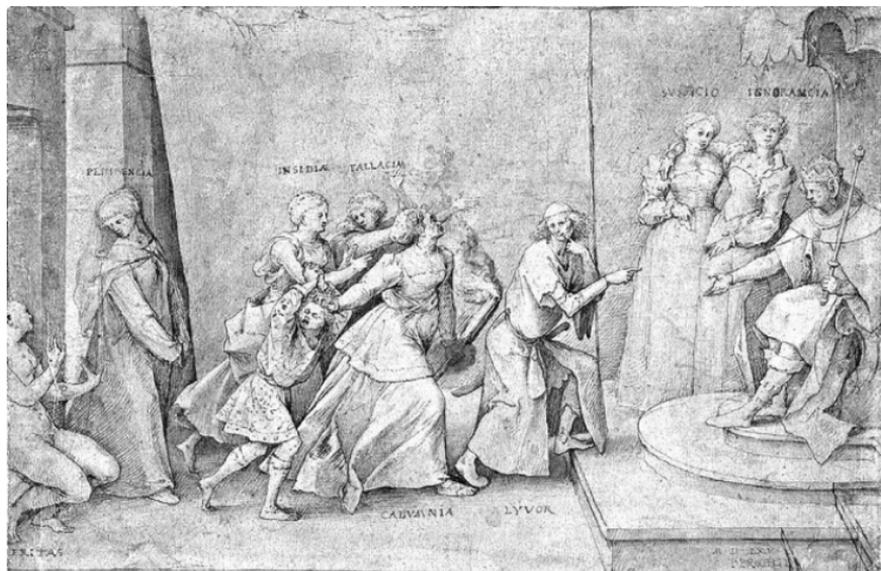
Язык о трех жалах. Клевета

Душа клеветника имеет язык с тремя жалами, ибо уязвляет и себя, и слышащего, и оклеветанного.
Авва Фалассий Ливийский

Клевета – порок, обладающий необычайными свойствами: стремясь умертвить ее, вы тем самым поддерживаете ее жизнь; оставьте ее в покое – и она умрет сама.
Томас Пейн

Ты не отречешься от клеветы, но будешь клеветать потихоньку. Ты не отречешься от клеветы, но, клевета, будешь озираться кругом, не подслушивает ли тебя кто-нибудь. Ты не отречешься от клеветы, но при первом шорохе струснешь...

М.Е. Салтыков-Щедрин «Клевета»

Питер Брейгель Старший «Клевета на Апеллеса», 1565–1569, коричневая бумага, перо, коричневые чернила

...Итак, у нас имеется Клевета, направляемая
Завистью или Злобой и подталкиваемая...

– Insidiae? – спрашиваю я у Кейт. – Fallaciae?

– Коварство, – отвечает она, – обман и уловки.

Клевета тащит за волосы безымянного юношу, который с мольбой вздымает руки над головой. В чем его обвиняют? Трудно сказать, но, поскольку в роли истца выступает Клевета, эти обвинения, несомненно, ложные.

Герой романа «Одержимый» Майкла Фрейна – увлеченный искусствовед с задатками детектива – постигает тай-

ны творчества Питера Брейгеля. В приведенном фрагменте описана утраченная картина знаменитого древнегреческого художника Апеллеса, сюжет которой многократно воспроизводился европейскими живописцами.

Это изображение можно назвать прототипом, смысловой матрицей того, что в былые времена именовалось *ябедой*, *на-праслиной*, *обносом*, *нагласительством*, а сейчас обобщенно называется клеветой. Именно клевета, а не оскорбление, угроза или насмешка – сердцевина всего злоречия. Потому с рассказа о ней и начинается настоящая книга.

Кража чести

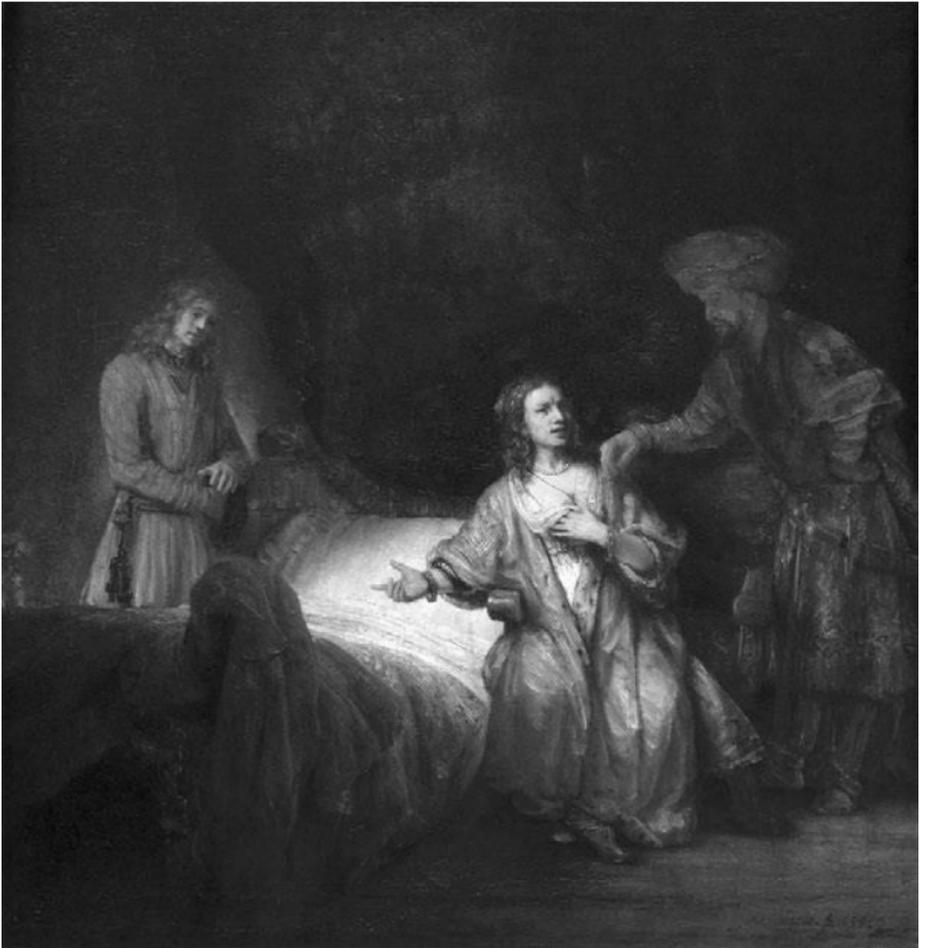
Клевета традиционно определяется как распространение заведомо ложной порочащей информации – то есть сведений, пятнающих чью-либо честь, подрывающих авторитет, вредящих репутации. Этимологически клевета связана с переносным значением глагола «клевать» – обижать, донимать. В источниках средневекового германского права клеветничество часто фигурировало как «кража чести».

Название это очень точно, ведь предмет клеветы – намеренно не соответствующие действительности и притом очерняющие адресата сведения, которые могут предъявляться как конкретным человеком в личных выпадах и публичных заявлениях, так и основываться на слухах, сплетнях. Клеветнические высказывания могут быть в прямом смысле опасны для жизни. Клеветничество не только основа злоречия, но и самое деструктивное его проявление.

В речевой повседневности клеветничество часто соотносят с доносительством. Однако в юридическом смысле, в правовом отношении *донос* не равнозначен клевете.

Во-первых, донос может содержать достоверные сведения и характеризуется прямым умыслом – предать огласке, привлечь к ответственности, инициировать судебное преследование. Во-вторых, клевета может распространяться открыто, а донос носит тайный характер. Доносчик чаще всего жела-

ет остаться неузнанным своей жертвой. В-третьих, клеветнические сведения могут сообщаться любым лицам, тогда как донос направляется непосредственно в полномочные органы либо конкретному человеку, который властен предпринять карательные меры.

Рембрандт Харменс ван Рейн (приписывается) «Обвинение Иосифа женой Потифара», 1655, холст, масло

Вспомним ветхозаветную историю обвинения Иосифа женой Потифара. Супруга египетского царедворца обратила похотливый взор на раба-слугу. Юноша вырвался из объятий – коварная соблазнительница оклеветала его, обвинив в попытке изнасилования. Невинный Иосиф отправился в тюрьму. Эта история не только об искушении плоти, но и об искушении самой клеветой. Ложное обвинение – особый род соблазна, влекущая и гибельная страсть.

Обыденные представления о клевете отражены в народных поверьях. Чтобы избежать ложного обвинения, нельзя сидеть на пороге дома, утираться скатертью в понедельник. Случайно плюнуть на себя, наступить на нож, надеть платье наизнанку – приметы возможного наведения напраслины.

Опасность и неискоренимость клеветы зафиксированы в пословицах. *Бойся клеветника, как злого еретика. Змею обойдешь, а от клеветы не уйдешь. Клевета что уголь: не обожжет, так замазает.* Последняя формулировка указывает на содержательную неоднородность порочащих высказываний, наличие смежных понятий.

Наряду с клеветой выделяется *инсинуация* (лат. *insinuatio* – вкрадчивость, заискивание; букв. «проникновение куда-нибудь узким или кривым путем») – злостный вымысел,

внушение вредоносных идей, тайное подстрекательство. С инсинуацией ассоциируются уже устаревшие слова *нашептывание* и *наушничанье* – то есть такое предъявление чьих-либо высказываний, действий, поступков, которое может попортить честь, опорочить достоинство, дискредитировать адресата. Цель инсинуации – создание негативного образа, отрицательного впечатления о человеке, подрыв доверия к его высказываниям и личности в целом.

Инсинуатор говорит намеками и действует исподтишка, подтасовывая факты, подменяя смыслы, искажая обстоятельства. Излюбленные его приемы – жонглиж многозначными словами, утаивание или маскировка части информации либо, напротив, намеренное преувеличение, гиперболизация сведений. Яркий литературный пример – щедринский Иудушка Головлев.

Франсиско Гойя «Доносчики», 1799, офорт из серии «Капричос»

«Клевета весьма легко входит в сердце, рожденное завистливым и подозрительным» (Вольтер).

«Клевета наносит удары обыкновенно достойным людям, так черви предпочтительно набрасываются на лучшие фрукты» (Джонатан Свифт).

«У порока нет раба более подлого, общество не

порождает гада более отвратительного, и у лукавого нет гостя более достойного, чем клеветник» (Генри Филдинг).

«Клевета – это месть трусов» (Сэмюэл Джонсон).

«У клеветы – вечная весна» (Эдмунд Берк).

Автокомментарий художника: «Из всех видов нечисти доносчики [наушники] – самые противные и, в то же время, самые несведущие в колдовском искусстве».

В профессионально-правовом смысле с клеветой также связана *диффамация* (лат. *diffamo* – порочу) – оглашение порочащих кого-либо сведений в печати и других средствах массовой информации, независимо от достоверности, правдивости этих сведений. Диффамация чаще всего применяется в отношении политических и религиозных противников, бизнес-конкурентов, неугодных чиновников. В современных европейских законодательствах диффамация имеет статус, аналогичный богохульству (гл. XII): оба эти вида злодеяния соотносятся с обсуждением границ свободы слова и в большинстве стран уже не предусматривают юридических мер пресечения.

В сопоставлении диффамации и клеветы сталкиваются две этикоюридические категории – право на *истину* и право на *честь*. В исторической ретроспективе второе является более поздним: древние законодательства не рассматривали диффамацию как правонарушение. Отсюда многовековая нейтральность понятия «донос», отсутствие в нем нега-

тивной оценочности.

До определенного времени доносить считалось не только правильным, поощряемым, но даже необходимым – далее убедимся в этом на многочисленных примерах. Ненаказуемость позорящих, но истинных сообщений опиралась на заимствованное из древнеримского права представление об *existimatio* – гражданской чести; ни по закону, ни по обычаю незапятнанного достоинства. Считалось, что честью обладал лишь тот, о ком объективно невозможно сказать ничего дурного. Если же позорящие факты налицо, то и о чести не может идти речи.

Впоследствии под влиянием германского понятия *Guter Leumund* («доброе имя») постепенно формируется представление о праве всякого человека на хорошую репутацию. Публичное разглашение любых – и правдивых, и лживых – порочащих сведений начинает рассматриваться как отдельное преступление: посягательство на достоинство и честь, нарушающее спокойствие других граждан, опасное для общественных настроений, социальной атмосферы. Здесь диффамация вплотную смыкается с распространением слухов и сплетен (гл. IV).

Инверсия справедливости

Клевета имеет важную особенность – приумножение согласия. У слушающего и принимающего клевету обычно нет сомнений и возражений. Как верно заметил Геродот, «клевета ужасна потому, что жертвой несправедливости является здесь один, а творят эту несправедливость двое: тот, кто распространяет клевету, и тот, кто ей верит».

Эта мысль многократно повторяется и разнообразно варьируется христианскими богословами. «Трем лицам пакустит клеветник: оклеветанному, слушающему и самому себе», – утверждает Василий Кесарийский. «Клеветник вредит тому, на кого клеветает... Вредит себе, ибо тяжко грешит. Вредит тем, которые слушают его, ибо дает им повод к клевете и осуждению.» – читаем у Тихона Задонского. То же самое – в известных словах аввы Фалассия о «трехжальном» языке клеветника.

Три жала клеветы словно дьявольская пародия на божье триединство. Ведь и невинно оговоренный оказывается в положении сколь незавидном, столь же двусмысленном: ему приходится оправдываться – а значит, волей-неволей состязаться с клеветником и со слушателем клеветы.

Клевета обладает свойствами «троянского коня» – и в этом главная ее опасность. Наваety маскируются под непроверенную информацию, выдаются за наивные заблуждения,

ненамеренные оговорки, случайные ошибки. Клеветник выставляет жертву «без вины виноватой», одновременно создавая иллюзию собственной добропорядочности.

Здесь скрыт менее очевидный, но важный момент: клевета – инверсионная («от противного») попытка восстановления справедливости. Своеобразный «антиспособ» реконструкции понятной клеветнику картины мира. Попраание истины и насаждение лжи – коммуникативные подпорки, словесные костыли для того, кто не способен признать чужие достоинства и собственные несовершенства.

Клеветник воображает себя вершителем судеб и творцом идеального мира средствами лжи. Клевета присваивает себе созидающие, демиургические функции. Именно поэтому ее можно назвать средоточием, «ядром» всего злоречия. Однако при всей очевидной порочности клеветы отношение к ней всегда было неоднозначным, несводимым только к словесным нападениям, речевой агрессии.

Собаки демоса

Историю клеветы можно условно отсчитывать с Античности. Приблизительно со второй половины V века до н. э. в греческих полисах формируется фигура *сикофанта* (др. – греч. syke – фиговое дерево, смоковница + rhaino – доношу, разоблачаю) – профессионального доносчика и сутяги, часто клеветника, а порой и наглого шантажиста. Одни толкования связывают происхождение слова «сикофант» с запретом вывоза смоквы из Аттики, другие – с разоблачениями мелких ворюшек и расхитителей, что прятали смокву в широких одеждах.

Сикофанты были сборщиками компромата на влиятельных лиц для возбуждения против них судебного процесса ради сведения счетов, получения взяток и просто из черной зависти. Фактически каждый мог обвинить каждого, только бы оба были свободными гражданами, не рабами, а в случае судебного выигрыша – забрать часть штрафа или конфискованного имущества. Извращая мораль и паразитируя на законодательстве, в пылу шпионского азарта и ради личной наживы вездесущие сикофанты преследовали состоятельных граждан, авторитетных ораторов, выдающихся полководцев.

Согласно описанию Плутарха, известный афинский стратег Никий жил в постоянном страхе перед сикофантами, ходил «вечно съезжившись», избегал пиров и даже дружеских

посиделок, только бы не быть оклеветанным. Для пущей безопасности щедро давал в долг, лишь бы никого не обидеть.

Потенциальные жертвы нередко брали сикофантов на содержание для защиты от недругов и конкурентов – эдакий древний аналог «крышевания». Прагматичный Сократ для защиты от сикофантов советовал богатому другу Критону: «Ты бы держал человека, который хотел бы и мог отгонять от тебя тех, кто вздумает напасть на тебя». Таким человеком оказался малоимущий, но оборотистый Архидем – он открыл настоящую охоту на врагов Критона и тут же изобличил множество злоупотреблений сикофантов. Дела богача пошли в гору, а вот философу совет вышел боком, послужив одним из неформальных поводов его преследования.

Прославленного оратора Демосфена однажды хотели назначить обвинителем, но он ответил решительным отказом: «Афиняне, советчиком вашим я буду и впредь, хотите вы этого или не хотите, но клеветником и доносчиком – никогда, как бы вы этого ни хотели!» Известного сикофанта Аристогитона пронизательный Демосфен уподобил скорпиону и змее, а затем обозначил его подлинное место в обществе: «Он ходит, окруженный тем, чем окружены нечестивые в Аиде – проклятием, руганью, завистью, раздором, враждой». В дальнейшем змея станет устойчивой аллегорией клеветника.

Вездесущий, изворотливый и нахальный сикофант – среди главных персонажей выдающегося древнегреческого дра-

матурга Аристофана. В комедии «Птицы» сикофант выступает с пафосной самохарактеристикой: «Я островной глашатай и доносчик». В «Мире» толпа клеветников третирует богача Каллия. Во «Всадниках» сикофант Клеон грозит «задушить, запугать, обобрать» всякого афинянина, но особенно богатого. В «Плутосе» один из главных героев все тот же ненавистный клеветник, возмнивший себя главным человеком в городе.

Пьер-Нарсис Герен «Федра и Ипполит», 1802, холст, масло

В древнегреческом мифе прекрасный юноша охотник Ипполит был оговорен своей мачехой Федрой. Богиня Афродита внушила ей любовь к пасынку, но из уважения к отцу Тесею тот отверг Федру – и она в гневе его оклеветала. По рассказу Еврипида, коварная Федра послала мужу таблички с обвинением, будто бы Ипполит ее изнасиловал. Тесей призвал Посейдона погубить Ипполита. Морской владыка послал навстречу Ипполиту водяного быка – испуганные кони понесли и растоптали несчастного юношу.

Аристотель ставил сикофантов в один ряд с мошенниками и подлецами. Боясь преследования суда, философ покинул Афины, а на вопрос встречного путника, каковы они, отвечал, явно намекая на сикофантов: «Великолепны, но груша за грушей там зреет, яблоко за яблоком, смоква следом за смоквой...»

Едва ли не всякий древнегреческий мыслитель считал своим долгом высказаться о клевете. «Человека, клеветующего на других, изгоняй из дома», – призывал Фалес. «Никакого порока нет злее клеветы», – настаивал Менандр. «Клеветы и злоречия надо остерегаться, как ядовитого червя на розе», – предупреждал Плутарх. «Много дружеских связей расторгнуто, много домов обращено в развалины доверием к клевете», – сетовал Лукиан.

В античном мире «трехжальность» клеветы еще не отличается в афоризм, но уже отчетливо проговаривается. Некий

доброжелатель сообщил Эзопу, будто о нем за спиной говорят всякие гадости. Эзоп на это отвечал: «Убийцы не те, кто делают кинжалы, а те, кто пользуются их изделиями; так и обо мне злословят не клеветники, а ты, если ты пользуешься их клеветой. Осуждают то, чего не понимают».

Сикофантов все же старались контролировать юридически. Обвинителя, не получившего в свою пользу пятой части судейских голосов, штрафовали и впредь лишали права инициировать судебные преследования. В Афинах трое особо рьяных сикофантов ежегодно могли быть сами преданы суду народным собранием. Однако сикофантство как паразитарная общественная и пагубная речевая практика, специфическое ремесло и легальный способ заработка процветало очень-очень долго.

Процветанию сикофантов способствовала не только несовершенная система судопроизводства – благоволила им и сама эллинистическая мораль, которая признавала личную месть достойной почтения наравне с защитой общественных интересов. В народе сикофантство считалось зазорным, алчных клеветников называли «собаками демоса». Однако социальная зависть превращала тот же демос в оплот сикофантства. По свидетельству римского историка Корнелия Непота, демосу были присущи «суровость, подозрительность, непостоянство, завистливость и враждебный настрой к тому, кто имеет высокую власть». Наветы внушали страх, вызывали омерзение, но и негласно поощрялись.

Мораль рабов

Пройдет время, и Фридрих Ницше раскроет этот поведенческий механизм в работе «К генеалогии морали», дав ему название *ресентимент* (фр. *ressentiment* – негодование, озлобление, злопамятство) – враждебность к тому, что человек считает причиной своих неудач. По мысли философа, ресентимент – определяющая характеристика «морали рабов, противостоящая морали господ». Впоследствии закрепившийся в социологии, этот термин станет означать нечто более широкое и сложное, чем просто зависть. С одной стороны, ресентимент маскирует чувство неполноценности «плебея» перед «аристократом» (при всей исторической изменчивости обоих понятий). С другой стороны, служит социальным противовесом, ограничивая господство правящих элит. Отсюда неявные, но значимые социальные функции клеветы: уравнивающая и нейтрализующая. В противопоставлении тиранической власти и диктатуры демоса клевета – ответная «иммунологическая» реакция, направленная на подавление «вируса» господства, на ограничение власти.

В повседневно-бытовой коммуникации ресентимент возникает из стремления ослабить позицию соперника, конкурента. Или, по крайней мере, не допустить ее усиления. Работая на создание «образа врага», клевета становится одновременно и средством избавления от чувства вины, и лов-

ким обоснованием подлости, и утешением для уязвленного самолюбия.

Питер Брейгель Старший «Фламандские пословицы»,

фрагмент «Не терпеть вида солнечных бликов на воде» (ревновать к чужим успехам), 1559, холст, масло

Так обнажается еще один психоповеденческий механизм клеветы – мщение и обнаруживается ее психологическая функция – компенсаторная. Клевета – моральная сатисфакция и мнимый способ восстановления справедливости. Клеветник часто воображает себя не только властителем судеб, но и карающей десницей.

Здесь самое время вспомнить древнегреческую полулегенду-полубыль, заметно повлиявшую на осмысление клеветы в европейской культуре. Величайший художник своей эпохи Апеллес был оклеветан соперником-завистником Антифилом, который ложно вывел его соучастником заговора против царя Птолемея. Правитель поначалу поверил Антифилу и хотел казнить Апеллеса, но один из схваченных заговорщиков возмутился подлостью клеветника и засвидетельствовал непричастность художника к заговору. Птолемей выдал Апеллесу сто талантов денежной компенсации, а в придачу Антифила в качестве раба. Финал этой истории – доказательство нищезанского тезиса: природа очернительства суть рабская. Как ни изворотлив клеветник – все равно носить ему клеймо раба.

В память о неприятном, но поучительном событии Апеллес написал картину «Клевета» – ту самую, о которой шла речь в начале главы. Полотно не сохранилось, но история по-

срамленного клеветника вошла в трактат Лукиана Самосатского «О том, что нельзя слепо верить клевете» (II в.).

В окружении воплощенных в женских образах Невежества и Подозрения восседает правитель с большими ушами, протягивая руку приближающейся взволнованной Клевете, ведомой мужской фигурой, которая олицетворяет Зависть. В одной руке Клевета несет горящий факел – символ лжи, а другой тащит за волосы поверженного юношу, призывающего богов в свидетели. Вместе с Клеветой идут две ее приспешницы – Ложь и Коварство, льстиво возвеличивая и заботливо прихорашивая свою владычицу. Слева от зрителя проливает слезы стыда Раскаяние в темных одеждах, скорбно взирая на идущую следом стыдливо обнаженную Истину. Взор Истины обращен к небесам.

Воплощенная на холсте и возрожденная в слове, эта поучительная история сделалась устойчивым мотивом в изобразительном искусстве. К Апеллесу вернемся еще не раз, а пока посмотрим, как обстояли дела с клеветой в древнеримском государстве.

«Состязание в негодяйстве»

В Древнем Риме «голос народа» (лат. *vox populi*) считался выражением воли богов. Народ, как и ранее в греческих полисах, также имел значительное влияние на ротацию политических деятелей. В период республики всякий достигший совершеннолетия гражданин, заинтересованный в ее благоденствии, брал на себя почетную обязанность изобличать преступления. Никакой суд не мог быть инициирован без заявления обвинителя.

Эта деятельность изначально носила добровольно-общественный характер и никак не оплачивалась. Когда же Рим стал клониться к упадку, политика вырождалась в интриганство, ораторство – в пустую декламацию, судопроизводство – в череду корыстных тяжб. И вот на рубеже I–II вв. до н. э. в римский уголовный процесс чеканным шагом вошли *делатории* (лат. *delatores* – информаторы, осведомители), быстро ставшие ключевыми фигурами судебной системы. Сначала они извещали в основном о налоговых преступлениях, но очень скоро проникли во все сферы публичной и частной жизни.

Честность первых делаториев сменилась продажностью и оговорами. Ситуация усугубилась с введением оплаты доноительства: раскрытие преступлений требовало поощрения, а затем и денежного вознаграждения. Изобличив какого-ни-

будь толстосума в неуплате налогов, делаторий получал четверть конфискованного судом имущества. Так множились ряды лжесвидетелей, вымогателей и клеветников. Дошло до разрешения тайного доноительства, причем доносчиками могли выступать прежде не имевшие данного права женщины и даже рабы.

Некоторые делатории становились настоящими «звездами». При императоре Августе такой знаменитостью слыл Кассий Север. Судебным коньком этого человека незнатного происхождения и подлой натуры были дела о прелюбодеяниях богатых граждан, которых он принуждал выплачивать отступные или отдавать часть имущества. Как темпераментно заметил итальянский историк Гульельмо Ферреро, «Рим еще не видывал такого густого, желтого, кипевшего, серного потока вулканической грязи, какими были обвинения Кассия».

Обвинители, которые жили исключительно на доходы от тяжб, а часто даже работали по найму, назывались *квадруплатории* (лат. *quadruplatores*). Этим обвинительных дел мастерам приходилось прилагать недюжинные усилия, до тошно выявляя финансовые нарушения и стаптывая сандали в бесконечных розысках, преследованиях, ходатайствах.

Античный историк Геродиан рассказывал, что при императоре Макрине доносчики «встречали всяческое попустительство, больше того – их подстрекали поднимать давнишние судебные дела, среди которых попадались не поддавав-

шиеся расследованию и проверке. Всякий, только вызванный в суд доносчиком, уходил сейчас же побежденным, лишившимся всего имущества. Ежедневно можно было видеть вчерашних очень богатых людей просящими милостыню на следующий день».

Социальные функции и коммуникативные стратегии римских делаториев и греческих сикофантов в какой-то момент почти совпадали. Правда, для судебного разбирательства теперь уже требовались публичные обвинения. К тому же каждый последующий правитель мог публично высечь, обратить в рабство, изгнать из страны агентов своего предшественника. Так поступил, например, император Веспасиан с делаториями Нерона.

Как и сикофанты, делатории уличались в злоупотреблениях. Ораторская слава Цицерона началась с выступления по делу Секста Росция, огульно обвиненного в отцеубийстве. Процесс был с блеском выигран. Впоследствии Цицерон настойчиво призывал как можно жестче ограничивать иски делаториев, презрительно называл их «кляузными дельцами» и «лаятелями на клепсидру».

В трактате «О республике» Цицерон упоминает о римском «Законе Двенадцати таблиц» (лат. *Leges duodecim tabularum*), который предусматривал смертную казнь за сочинение и распевание клеветнических песен. Более мягкое наказание – выбривание головы и бровей, выжигание на лбу клейма «С» (от слова *calumniator* – клеветник).

Джон Лич «Цицерон», рис. из «Юмористической истории Древнего Рима» Гилберта Эббота Э-Беккета, ок. 1850

Помимо делаториев, хватало в Риме других очернителей, которые только и делали, что искали поводы да улучали моменты, чтобы извести врагов, отомстить обидчикам, устранить конкурентов. Что только не выдумывали для правдоподобия порочащих сведений! Один из обвинителей отвел в сторонку императора Клавдия и заговорщицки поведал, будто видел сон о его убийстве, а спустя некоторое время якобы опознал злодея в своем противнике, который, ничего не подозревая, подходил к императору с каким-то прошением.

Таким же коварным способом, по одной из версий, был

оклеветан Аппий Силан – политический деятель из ближайшего окружения Клавдия. Жена императора Мессалина возненавидела Аппия за отказ стать ее любовником и сговорилась с вольноотпущенником Нарциссом разыграть сцену «пророческого» сна. Ранним утром Нарцисс вломился в императорскую спальню и в притворном смятении поведал жуткий сон, в котором Аппий нападает на Клавдия. Мессалина столь же артистично изобразила изумление и поведала о таком же сне. Сразу после этого действительно явился Аппий – это совпадение привиделось неоспоримым доказательством, и невиновный был схвачен.

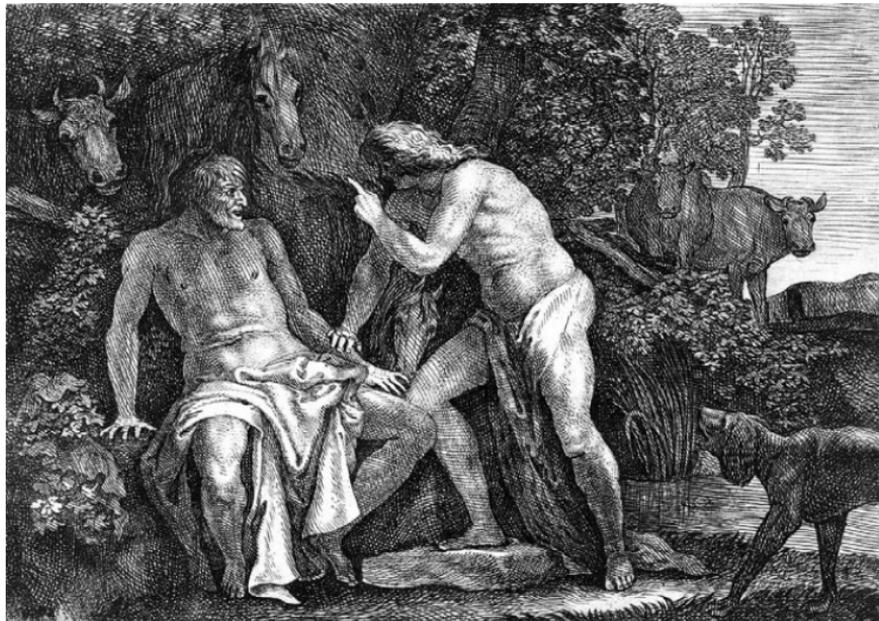
Оба описанных случая – иллюстрации поразительного свойства клеветы облекаться в причудливые образы для усиления бдительности, снижения критичности восприятия. Фантазия «мне привиделось» производит куда больший эффект, чем свидетельство «я видел», и становится идеальным способом устранения врага.

«Кто на тебя клеветает, тот не друг тебе», – указывал Квинт Энний. «Охота чернить друг друга есть удовольствие бесчеловечное, жестокое и всякому честному слушателю противное», – бичевал клевету Квинтилиан. «Кто не порицает клеветников, тот поощряет их», – настаивал Светоний. Все эти изречения были точны, но тщетны.

К периоду упадка Рима клевета сделалась бизнесом – включилась в товарооборот и стала своеобразной услугой, как поставленное на поток производство дефисионов (гл.

Ш). «Повсюду идет великое состязание в негодьяйстве», – пессимистически заметил о своем времени Сенека. Только проклятие еще сохраняло сакральность в силу магического содержания, а клевета бытовала как профанная практика. Презренных клеветников, вздумай кто пересчитать их и собрать вместе, явно не вместил бы Колизей.

На примере Древнего Рима мы последовательно наблюдаем, как клевета разъедает общественный организм, вызывая кризис социального доверия. В клевете упражнялись и политики, и поэты – она сделалась не только эффективным инструментом властной борьбы, но и своеобразным родом псевдоискусства, «аттракционом болтовни». В отличие от Греции, в Риме наиболее заметна эстетизация клеветы, что не в последнюю очередь способствовало популярности т. н. *адвокатской литературы* – художественно обработанных текстов судебных речей и специально созданных искусственных стилизаций.

Мозес ван Эйтенбрук «Меркурий обвиняет Батта», XVII в., офорт

Древние не жаловали не только клеветников, но и просто доносчиков. Мифологический Батт – пастух царя Нелея – обещал никому не рассказывать об украденном Гермесом стаде Аполлона. За это Гермес презентовал ему одну из похищенных коров. Желая испытать Батта, он явился к нему в другом обличье и принялся расспрашивать о краже. Наивный пастух все охотно растрепал – и разгневанный Гермес обратил доносчика в камень. Этот сюжет отражен в «Метаморфозах» Овидия.

При этом весьма любопытно, что клевета как отдельный род преступления была неведома древнеримскому праву. Распространение лживых сведений проходило по части оскорблений (лат. *contumelia*). Позднее, в императорский период, под клеветой (лат. *calumniā*) понималось ложное обвинение в преступном деянии.

Культ клеветы пошатнулся правлением Марка Ульпия Траяна (99-117 н. э.), который прекратил обвинительные дела по оскорблению императорской особы и величия римского народа. Траян расправился с доносчиками с затейливой фантазией и жестокостью, достойной их гнусного поведения. Согласно описанию Плиния Младшего, все доносчики были посажены на наскоро сколоченные корабли и отданы на волю волн. «А если штормы и грозы спасут кого-нибудь от скал, пусть поселятся на голых утесах негостеприимного берега, и пусть жизнь их будет сурова и полна страхов, и пусть скорбят они об утерянной безопасности, которая дорога всему роду человеческому».

Битвы чернильниц

Примерно к началу IV века профессиональное клеветничество начинает временно затухать. В христианском представлении очерняющий ближнего сам вверяется дьяволу, который есть главный очернитель. В Откровении Иоанна Богослова дьявол назван не иначе как «клеветником, клеветующим пред Богом день и ночь» (ср.: греч. *diabolos* – ложный обвинитель, рассеиватель клеветы).

Поруганием Христа фактически было лжесвидетельство против Него: «Первосвященники и старейшины и весь синедрион искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти» (Евангелие от Матфея. 26:59). Клевета лишает человека божией благодати: «Господи! Кто может пребывать в жилище Твоем? Кто может обитать на святой горе Твоей?.. Кто не клеветает языком своим, не делает искреннему своему зла и не принимает поношения на ближнего своего» (Псалтирь. 14:1–5).

Эльвирский собор 306 года установил отлучение от Церкви христиан, по доносу которых лишались не только жизни, но и свободы другие христиане. Непримиримым борцом с клеветниками был император Константин Великий, распорядившийся применять к ним смертную казнь с предварительной пыткой и вырыванием языка «с корнем» – дабы более не клепали на ближних. Исключением были только до-

носчики на астрологов и гадалелей – их Константин считал «скорее достойными награды».

Однако клевета продолжала язвить своим тройным жалом и мир, и клир. Хрестоматийны судьбы Григория Богослова, обвиненного в незаконном захвате Константинопольской кафедры; Иоанна Златоуста, оклеветанного самим Патриархом Александрийским Феофилом; Макария Великого, ложно уличенного в изнасиловании девицы...

Наряду с моральной оценкой клеветы в европейских законодательствах постепенно закрепляется необходимость ее пресечения. Так, в древненорвежских «Законах Гулатинга» среди прочего указано: «Никто не должен возводить напраслину на другого или клевету». Под напраслиной подразумевается высказывание о том, «чего не может быть, не будет и не было». Например, один человек говорит о другом, что тот «становится женщиной каждую девятую ночь, или что он родил ребенка, или называет его волчицей-оборотнем. Он объявляется вне закона, если оказывается в этом виновным».

Между тем, как водится, правовые догматы расходились с реальностью. Клевета нашла надежное прибежище в религиозно-догматических спекуляциях. Всякого инакомыслящего можно было объявить еретиком. Мощный оплот Святейшей Инквизиции – тайное осведомительство, где клевета – действенный способ властного контроля.

Кристиано Банти «Галилей перед Инквизицией», 1857, холст, масло

Место сикофанта и делатория заняла зловещая фигура т. н. *родственника инквизиции*. За этим ласково-циничным названием скрывался наемный ловкач по части обвинений, который указывал на всякого «впавшего в ересь». Армия «родственничков» состояла из представителей самых разных социальных слоев: военных и торговцев, художников и поэтов, простолюдинов и придворных. Все они имели разрешение носить оружие, были неподсудны и неприкосновенны. Доносчики рекрутировались также из священников и церковных прихожан, которым выдавались индульгенции (отпу-

щения грехов) за стукачество на вероотступников.

Доносчики делились инквизицией на тех, кто предъявлял конкретные обвинения и должен был их доказывать во избежание кары за лжесвидетельство, и тех, кто только указывал на подозреваемых еретиков. На улицах европейских городов красовались особые ящики для жалоб. Бесперебойный поток «еретиков» сливался с бесконечным потоком осведомителей.

Злоречие обрело форму битвы чернильниц, поединка перьев. Особая роль здесь отводилась городским писцам – они охотно помогали гражданам в составлении юридических текстов, в том числе и доносов. Бог кляузы, писец зазывал прохожих в свою лавку затевать судебные тяжбы.

Особо усердствовала в доносительстве Венецианская республика с ее печально памятным Советом Десяти – закрытой организацией, состоявшей из представителей знатнейших родов и следившей за общественными настроениями и борьбой правящих элит. Совет создал особую систему осведомителей и широко практиковал анонимные доносы, о которых по сей день напоминают пасти бронзовых львов на венецианских улицах. Сохранился знаменитый «Зев льва» – стенное окошко, куда зудящие алчностью, обидой, страхом уста нашептывали поклепы дежурному инквизитору. Безмолвные грозные львы хранят тайны многих средневековых клевет.

Оранжевая законотворчества

В XV столетии в лексикон клеветы входит *пасквиль* – упоминаемое еще в античных источниках письменное сочинение, содержащее ложные порочащие сведения и жалобы (лат. *liber famosus*). По одной версии, слово образовано от фамилии римского башмачника Пасквино, автора ядовитых высказываний о власти имущих. Согласно другой версии, пасквиль происходит от *Pasquino* – народного названия римской статуи, на которую по ночам приклеивались *pasquinades* – обличительные листки, острые анекдоты, всевозможные карикатуры. К безрукому античному торсу, словно к идолу для жертвоприношения, в числе первых устремлялись сплетники, склочники, скандалисты.

Далее эволюция представлений о клевете идет путем дробления терминов и разделения смыслов. Так, в 1606 году в английское право входит понятие *мятежная клевета* (*seditious libel*) как уголовное деяние, караемое пожизненным заключением. В отличие от мятежных речей – устных выпадов против государственной власти, критических высказываний о королевской семье, призывов к бунту – «мятежная клевета» фиксировалась письменно.

Понятие просуществовало до XIX века и даже получило повторное законодательное закрепление после жестокого разгона митинга в поддержку избирательной реформы 1819

года, известного как «бойня при Питерлоо». Во избежание подобных выступлений были приняты Шесть законов (The Six Acts), куда среди прочих вошел Закон о Преступной Клевете.

При этом, как и в Античности, официальные циркуляры вступали в противоречие с обыденными представлениями. «Верхи» не могли обходиться без доносчиков, а «низы» не хотели их терпеть. Яркий пример такого противостояния – жалоба курфюрста Кельна в 1686 году на отсутствие претендентов на фискальные должности из-за «страха презрения и поношения соседями».

В абсолютистской Франции в ходу был *lettre de cachet* (букв. «письмо с печатью») – приказ о внесудебном аресте с королевской печатью. В уже подписанном документе оставляли свободное место – так что можно было указать любое имя. С помощью таких подделок монархия избавлялась от своих врагов. Сильные мира сего легко фабриковали такие тексты, а богатые просто покупали их.

Однажды Вольтер спросил полицейского префекта Эро, как поступают с фальсификаторами *lettres de cachet*. Получив ответ «их вешают», философ едко заметил: «И то хорошо до поры до времени, пока не начнут, наконец, вешать и тех, кто подписывает неподдельные». В период французской революции «письма с печатью» были отменены, но в 1791 году французским законодательством было установлено понятие *гражданского доноса* (*de lation civique*) – обязательно-

го для всех совершеннолетних граждан.

Впрочем, были и активно протестующие против подобных практик. Главный выразитель протестных идей, видный итальянский экономист и публицист Гаэтано Филанджиери в трактате «Наука о законодательстве» настаивал на том, что все доносы должны игнорироваться официальными органами. Менее прогрессивные современники парировали, что сообщение о преступных деяниях – необходимая гражданская обязанность.

Одновременно и разлагая, и подпитывая юриспруденцию, клевета демонстрировала возможность перетолковать любой порядок, перелгать всякую заповедь. Для ядовитого цветка злоречия с сердцевинкой клеветы законотворчество было оранжереей, где он уничтожал здоровые растения, пускал все новые и новые ростки.

От Боттичелли до Карраччи

Юридическая калибровка понятия клеветы шла параллельно с поисками творческих способов его отображения в искусстве. В конце XV столетия Боттичелли, вдохновленный описанием Лукиана, реконструирует историю Апеллеса на монументальном аллегорическом полотне «Клевета». В сидящем на троне ослоухом человеке мы вновь узнаем царя Мидаса, который воплощает уже не только Глупость, но и Легковерие, интерес к наветам.

Подозрение и Невежество крепко держат правителя за уши, нашептывая в них гадкие речи. Как и на картине Апеллеса, здесь Клевета выступает вместе с Завистью в сопровождении Обмана (в другой трактовке – Злобы и Коварства). Спутницы украшают Клевету жемчугом и цветами, придавая ей убедительность и маскируя порочность. Неуверенно указующий жест правителя синхронизирован с властно поработающим жестом Зависти. Раскаяние отклоняется от античного описания: неподвижно стоящая зловещая старуха угрюмо взирает на обнаженную венероподобную Истину (ср. выражение «голая правда»), указующую на небеса. Фигура Истины композиционно отделена от остальных, символизируя отделенность от порочного людского мира.

Наконец, фигура влекомого за волосы юноши у Боттичелли трактуется как аллегория Невинности и, как полагают

некоторые искусствоведы, олицетворяет самого Апеллеса. Философский смысл этой сцены довольно прозрачен: спустя столетия оклеветанный не нуждается в самооправдании – за него свидетельствует само время. Оно и только оно – опаснейший противник и главнейший враг клеветы.

Сандро Боттичелли «Клевета (Оклеветание Апеллеса)»,
ок. 1494, дерево, темпера

Расположение персонажей у Боттичелли зеркально их описанию у Лукиана, что создает эффект обратной последовательности событий и наводит на мысль о том, что Правда и Раскаяние, возможно, слишком запоздали. Клевета изоб-

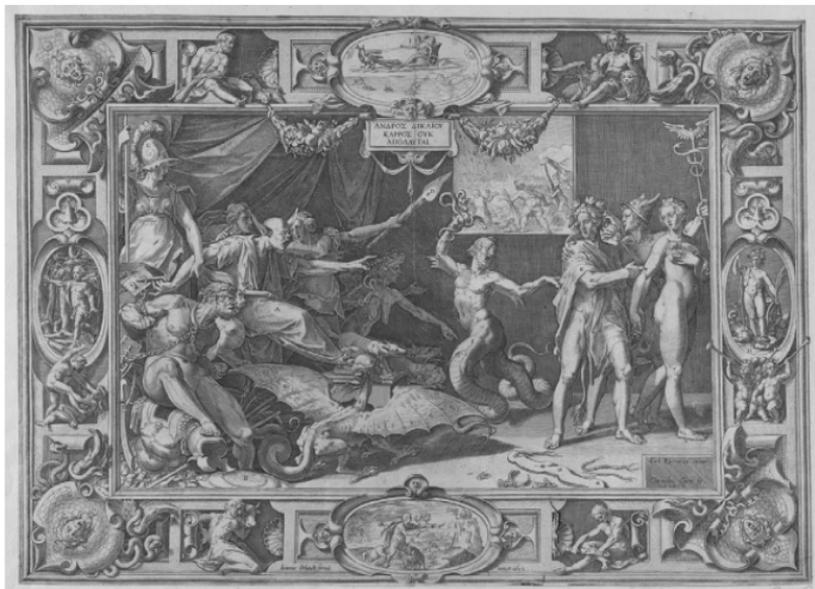
ражена инфернально двойственной: это женщина-хамелеон, коварный оборотень. Наученный полуторатысячелетним опытом человек Ренессансной эпохи верил в справедливость куда меньше элина. Но как бы то ни было, Боттичелли сделал клевету мыслезримой, художественно изреченной.

В отличие от Боттичелли, падуанский мастер Мантенья сохранил логическую последовательность легенды, изложенной Лукианом, расположив персонажей картины слева направо и сделав подписи под каждой фигурой рисунка. В этом римейке античного сюжета Клевета приближается не взволнованно, а надменно и даже торжествующе, уверенная в своем могуществе. Одновременно и образ Правды куда более сдержан и не столь патетичен, нежели у Боттичелли.

Несколько иную аллегорическую трактовку истории клеветы дал Питер Брейгель (репродукция в начале главы). Художник изобразил легковерного царя с большими, но все же не ослиными, не такими комичными ушами. Две наушницы – Невежество и Подозрительность – нежно обнимаются и уже ничего не нашептывают, лишь заинтересованно наблюдают. Ложь с Коварством не приукрашивают Клевету, просто идут вместе с ней.

Андреа Мантенья «Клевета Апеллеса», эскиз, втор. пол. XV в., бумага, перо коричневым тоном, подсветка белым

Корнелис Корт «Клевета Апеллеса», реплика¹ картины Федерико Цуккаро, 1572, гравюра на слоновой кости

Истина предстает в образе коленопреклоненного нагого мужчины. Подпись под фигурой, место которой и у Лукиана, и у Боттичелли занимала Истина, гласит: «Caritas» – Милосердие, жертвенная любовь. Милосердием обнажается порочность зависти и обличается низость клеветы. Любовь смиряет гневные сердца и замыкает злоречивые уста. При этом Брейгель, как отмечают искусствоведы, придал античному сюжету одновременно универсальность и злободневность, учитывая политическую ситуацию в Нидерландах своей эпохи. Подписи под фигурами ассоциируются не с философскими трактатами, а с политическими карикатурами.

Заметно отличается от предшествующих сатирическая трактовка Апеллесовой клеветы итальянского художника Федерико Цуккаро. Зависть как наставница Клеветы изображена не то змееподобным человеком, не то человекоподобной змеей. Здесь вспоминается скорее не картина-первоисточник, а образ змея-клеветника у Демосфена. Афина (Минерва) с копьем берет на себя функцию Истины, останавливая за руку разгоряченного правителя-судью.

¹ Реплика – более свободное, чем копия, воспроизведение оригинала.

*Аннибале Карраччи «Аллегория Правды и Времени»,
1584–1585, холст, масло*

Мартин де Вос «Клевета Апеллеса», 1594, дерево, масло

Другой итальянский мастер, Аннибале Карраччи, помещает образ Клеветы в иной контекст, аллегорически изображая ее незавидную перспективу. Спасенная Временем из колодца Правда попирает жалкую, распластанную на земле фигуру Клеветы. Стоящие друг против друга Эвентус и Фелицитас – персонификации успеха и счастья – словно живые подтверждения объективности такого положения вещей.

Фламандский живописец Мартин де Вос за основу своей версии «Клеветы Апеллеса» взял гравюру знаменитого мастера Джорджо Гизи. Здесь наиболее интересны два образа: Невинность в виде ребенка и держащая Клевету за локоть Зависть с маской на затылке, видимо, символизирую-

щѣй двуличіе и злонамеренность.

Летучая и ползучая

В отличие от художников, литераторы были менее оптимистичны в изображении клеветы.

Из памятников словесности нельзя не упомянуть «Балладу о ласточке-клеветнице» Эсташа Дешана. Написанное в XIV веке аллегорическое произведение французского поэта повествует о маленькой юркой птичке, что нападает «без пращи и снаряда», «щебечет от злорадства», «сеет раздоры», бесчестит и ранит «коварной речью». Сюжет баллады опирается на древнее поверье о существовании особого вида ласточек, чей укус ядовит, а взгляд приводит в трепет даже коршунов и орлов. Ласточку-клеветницу «осуждают по праву» – и в конце концов «зло падет на нее самое, придет ей конец».

В прозе той же эпохи вспомним сказку «Обличенный клеветник» из «Декамерона» Бокаччо. Легковерный купец велит убить оклеветанную жену, но она переодевается мужчиной, поступает на службу к египетскому султану, разоблачает очернителя и воссоединяется с супругом.

А в XVI столетии вряд ли кто-то писал о клевете красноречивее Шекспира. Развязка конфликта в «Отелло» – изображение Яго как подлого клеветника. Сквозной мотив клеветы – в пьесе «Много шума из ничего». Сюжетная основа «Цимбелина» – упомянутая сказка Бокаччо. Шекспировская

аллегория клеветы тоже птица, только не коварная ласточка, а зловещая ворона. «Не бойся клеветы – Она всегда в погоне за прекрасным, Придаток неизбежный красоты, Как черная ворона в небе ясном. <...> Когда б не эта кисея клевет, Твоими были б все сердца, весь свет» (сонет 70, пер. С. Степанова).

В XVII веке литературная кисея клевет продолжается Мольером. «Бессильна с клеветой бороться добродетель»; «На свете нет лекарств противу клеветы», – читаем в «Тартюфе». Здесь больше горького скепсиса, чем борцовского пафоса, и ни грамма светлой надежды. Клевета изображается как неизбежная спутница человека от юности до старости. В Новом времени все меньше однозначности, в искусстве все больше фантазмагии. Аллегии становятся причудливы, порою вычурны.

При неослабевающем интересе живописи разных эпох к античной легенде любопытно и показательно отождествление самих мастеров со знаменитым художником. Так, восхищенный современник Рубенса назвал его «Апеллесом нашего века». Надгробная надпись на могиле Мантеньи гласит: «Ты, лицезреющий здесь бронзовый облик Мантеньи, знай: Апеллесу он равен, если не выше него». Апеллесом своего времени величали затем и Дюрера.

В любом обличье – хоть летучая, хоть ползучая – клевета навязчиво преследует прежде всего людей выдающихся и талантливых. Как верно замечено Бальзаком, клевета «рав-

нодушна к ничтожествам». За очернительством часто скрывается ненависть к чужому успеху.

Салон леди Снируэл

В суждениях о клевете европейских писателей XVIII века развиваются идеи греко-римских авторов. Античная риторика не только не утрачивает, но даже усиливает обличительный пафос, обретая высокие обертоны просветительства. Однако к уже ранее сказанному не приращиваются принципиально новые смыслы – скорее оттачиваются и шлифуются сложившиеся представления.

Эпоха Просвещения рационализирует клевету, срывая с нее мистические покровы. Конвертирует горький опыт всех невинно оговоренных из героико-романтического в социально-сатирический. Самый беспощадный и скальпирующе точный литературный приговор клевете – комедия Ричарда Шеридана «Школа злословия». Английский драматург препарирует коварство и лицемерие аристократии, но изображенный в пьесе салон леди Снируэл как средоточие клеветы – нагляднейшая иллюстрация всего человеческого сообщества.

Аналогично и XIX век эксплуатирует уже устоявшиеся идеи и образы. «Если клевета – это змея, то змея крылатая; она летает так же хорошо, как и ползает», – размышляет английский драматург Дуглас Джеррольд в духе Демосфена. Чем примечательно позапрошрое столетие, так это началом научного изучения и творческого отражения ранее бытовав-

ших практик. Так, американский художник Томпкинс Харрисон Маттесон изобразил один из печально известных «салаемских процессов», унесших жизни множества невиновых людей. Среди них обвиненный в колдовстве Джордж Якобс, повешенный по доносу внучки.

На полотне Эдварда Мэттью Уорда запечатлен обвинительный процесс пуританского проповедника и богослова Ричарда Бакстера в клевете на Церковь. Бакстер то и дело конфликтовал с властью имущими, так что главный судья лорд Джеффрис преисполнился ярости и приговорил его к штрафу в пятьсот марок и семи годам тюрьмы. Проповедник, в то время уже семидесятилетний, провел в заключении полтора года – затем правящим кругам понадобились его компетенции и публичный авторитет, и Бакстера освободили.

Томпкинс Харрисон Маттесон «Процесс Джорджа Якобса», 1855, холст, масло

Эдвард Мэттью Уорд «Судья Джеффрис угрожает Ричарду Бакстеру», XIX в., холст, масло

Что же до «Клеветы Апеллеса», то в XIX веке она интерпретируется уже преимущественно как застывший во времени мифологический сюжет, помещенный в изящную историческую рамку. На картине Джона Вандерлина персонажи графически условны, почти схематичны и больше напоминают мраморные скульптуры, чем живописные фигуры. Это скорее изящная стилизация и дань уважения классике, нежели попытка идейного переосмысления или реконструк-

ции древнего сюжета в новых социокультурных декорациях.

Клевета окончательно утрачивает романтический ореол фатальности. Ее публичное восприятие смещается из фило-софско-психологического в социально-юридический план. Распространение порочащих ложных сведений понимается прежде всего как нарушение общественных и правовых норм. Клевета как душевная травма существует преимущественно в личном, персональном восприятии.

Таким образом, клевета проходит долгую терминологиче-скую верификацию и подвергается визуальным метаморфо-зам. Злобная змея, коварная ласточка, наглая ворона, быст-роногая дева... Мотив неизбежности и неизбывности клеветы звучит все тише и тише, растворяясь в гуле приближаю-щегося нового тысячелетия.

Джон Вандерлин «Клевета Апеллеса», 1849, холст, масло

К боярину с наветом

Ну а как обживалась госпожа Клевета в нашем отечестве?

Первым упоминанием о ней исследователи истории российского права считают «Русскую Правду» Ярослава Мудрого. В этом сборнике юридических норм XI века была статья «О поклепной вире» с описанием ложного обвинения в убийстве. Процедура опровержения состояла в том, что обвиняемого обязывали выставить не менее семи «послухов» – свидетелей его праведной жизни, которые могли «вывести виру», то бишь отвести обвинение. Специальный состав клеветы здесь еще отсутствует, говорится только об ответственности за ложь.

В Уставе князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных (XII век) впервые содержится указание на клевету как отдельное преступление, выделяется ее юридический состав. Наказанию подлежала клевета, связанная с отступлениями от православной веры (еретичеством) и изготовлением колдовских снадобий (зельеварением). Клевета именуется здесь «уреканием» и не отделяется от оскорбления.

В Кормчей Книге – византийском сборнике законов, с XIII века принятом в качестве руководства для управления русской Церковью, клевета каралась по принципу талиона (лат. talis – такой же), равного возмездия. Наказание вос-

производило вред, причиненный преступлением (ср. ветхозаветный принцип «око за око, зуб за зуб»). Устав князя Ярослава о церковных судах (XIV век) уже предусматривал ответственность за ложное обвинение в виде штрафа, размер которого определялся социальным положением и сословной принадлежностью клеветника.

В Судебнике 1497 года впервые появляется понятие *ябедничества* – обвинение невинного, ложный донос. Бремя доказательства ложилось не на обвиняемого, а на обвинителя. Вина подтверждалась не предъявлением доказательств, а церковной присягой – целованием креста. Намек на презумпцию невинности содержался разве что в статье по обвинению в татьбе – преступном хищении: оговор подлежал проверке пыткой или «обыском» (массовым опросом). Что и говорить, суровые были времена!

Непосредственно о клевете вплоть до первой половины XVI столетия в русскоязычных источниках говорится мало и очень размыто. Причинами этого были разрозненность текстов и утрата многих письменных памятников, а также сама форма судебных установлений – в виде грамот, которые князь давали своим наместникам и в которых регулировались в основном тяжкие преступления, а прочие разбирались на основании устоявшихся обычаев.

Судебник 1550 года упоминает клевету в составе другого деяния – бесчестья, то есть вновь соединяя ее с оскорблением. Наказание вершилось согласно принципу «смотря по че-

ловеку», то есть исходя из имущественного состояния – дохода, жалованья.

Общественное отношение к клевете в России, как и в других странах, последовательно демонстрирует расхождение закона и морали. На официальном уровне доносы поощрялись, даром что изрядная их часть была клеветнической. Причем множество ложных обвинений проходило по категориям чародейства и волшебства. Так, унесший около двух тысяч жизней пожар в Москве 1547 года приписали «бесовской волшбе» бояр Глинских, ненавидимых народом за беспримерную жестокость и чинимые беззакония. Собравшаяся у Кремля разъяренная толпа тысячью глоток прокричала о вине княгини Анны, которая якобы вынимала чужие сердца, опускала в воду и тою водою кропила улицы – оттого-то город и выгорел.

Печально памятные жертвы клеветы – протопоп Сильвестр и воевода Алексей Адашев, приближенные Ивана Грозного, обвиненные боярами в смерти его жены Анастасии. Будто бы они «очаровали» и тем «извели» царицу. Дюже суеверный Иоанн Васильевич с глубочайшей серьезностью относился к наветам – и преданные царевы слуги попали в опалу.

Более незавидная участь постигла боярина Михаила Воротынского, которого Грозный, невзирая на все воинские доблести и верную службу, предал жесточайшим пыткам за ведьмовство. «Не научихся, о царю, и не навыкох от праро-

дителей своих чаровать и в бесовство верить... Не подобает ти сему верить и ни свидетельства от такового приимати, яко от злодея и от предателя моего, лжеклеветущаго на мя», — истово оправдывался оговоренный боярин. Но государь не внял, велел привязать Воротынского к бревну и сжечь живо. Самолично подбрасывал пылающие угли в огонь.

Клавдий Лебедев «К боярину с наветом», 1904, холст, масло

Европейцы подмечали особую национальную страсть русских к очернительным речам. Немецкий пленник Альберт

Шлихтинг оставил в 1560-х годах воспоминание о том, что «москвитам врождено какое-то зложелательство, в силу которого у них вошло в обычай взаимно обвинять и клеветать друг на друга пред тираном и пылать ненавистью один к другому, так что они убивают себя взаимной клеветой».

Итальянский путешественник Александр Гваньини в мемуарах писал: «Все москвиты считают, что самой природой назначено обвинять друг друга право и неправо по любым поводам: они наносят друг другу разные бесчестия, один часто приходит в дом другого и тайно приносит свои вещи, а потом говорит, что они же унесены от него воровски. Великий же князь охотно слушает».

Ровно то же самое подмечали затем отечественные историки. «Страсть или привычка к доносам есть одна из самых выдающихся сторон характера наших предков. Донос существует в народных нравах и в законодательстве», – читаем в исследовании Петра Щебальского «Черты из народной жизни в XVIII веке» (1861).

Словарь клеветы

Чем масштабнее и популярнее та или иная социокультурная практика – тем богаче ее вокабуляр, тем больше синонимов и смежных понятий.

Слово *ябеда* пришло в русский язык из древнескандинавского, где звучало как «эмбетти» и означало службу, должность. Изначально ябедником называли чиновника, но поскольку многие служащие показывали себя далеко не с лучшей стороны – ябедами стали называть доносчиков, в том числе клеветников. Ябеда была общим названием ложного обвинения, в качестве юридического термина чаще употреблялось слово *поклеп*: поклепный иск, поклепное дело, поклепное челобитье...

Доносы именовались *доводами* и *извещениями* (от «извещать»). *Дурным* извещением называли в основном обвинение по пьяни и в сердцах – брошенное во время ссоры, драки. Более известное слово *навет* употреблялось преимущественно в расширительном смысле «козни, наущение». Само же слово *донос* в нынешнем значении вошло в речевой оборот примерно в 1760-е годы; прежде оно означало просто сообщение о чем-либо.

Синонимами клеветнического обвинения и лжедоноса в разных контекстах были *затейный* (вымышленный, заведомо ложный), *облыжный* (облыг = ложь), *напрасный*, *недель-*

ный, воровской. (В старорусский период воровством называли любое преступление и даже правонарушение.) Семантически смежные названия: *оговор, наряд, обада* (церк. – слав.).

В ходу были и образные выражения: *наряд наряжать, нарядные писма, затевать затейки, затейные враки*. Здесь отражается скрытый, имплицитный характер клеветы: сокрытие и утаивание истинного намерения. Соответственно, и у самого клеветника тоже было немало имен нарицательных: *шепотник, клепач, нарядчик, ябедник, дегтемаз*.

Тайно подброшенный донос без подписи назывался *подметным письмом* – от слова «метать» (незаметно кидать). Анонимки считались серьезным преступлением и прилюдно сжигались, а пойманных авторов ожидало суровое наказание. При этом грань между справедливым обвинением и злоумышленным очернительством была весьма зыбкой, а квалификация преступления во многом зависела от мотивации судей.

При Михаиле Федоровиче возник, а при Петре I закрепился особый порядок участия в политическом сыске, выразившийся формулой «Слово и дело (государево)!». Громогласное произнесение этой фразы в людном месте означало готовность дать показания о государственном преступлении. Этими словами начиналось большинство доносов, многие из которых являли собой образчики сущей мелочности или явного абсурда. Например, в 1718 году некий Севастьян Кон-

дратьев, прокричав «слово и дело», донес на киевского губернатора князя Салтыкова: якобы тот «гадает у бабы, когда ему ехать ко двору». Доведенные до предела отчаяния крепостные нередко кричали на помещиков «слово и дело» только за истязания и притеснения.

Среди изветчиков были коварнейшие хитрецы, завзятые пройдохи, алчные мздоимцы, но встречалось и немало пропойц, слабоумных, душевнобольных с манией сутяжничества. Несмотря на судебную ответственность за ложные доносы, они сыпались как из рога изобилия, забывая судебные канцелярии – начиная столичной и заканчивая самой захолустной.

Народная ненависть к доносчикам пополняла словарь клеветы хлесткими пословицами. *Доносчику – первый кнут. Ябедника на том свете за язык вешают. Бог любит праведника, а черт – ябедника. Кто станет доносить, тому головы не сносить.*

Кликтуницы – клеветницы

Ходячими сосудами с ядом клеветы были *кликущи* — люди, подверженные истерическим припадкам с резкими выкриками и бессвязными нечленораздельными речами. Впервые о «кликтуницах», «икотницах» упоминает письменный источник 1606 года, но сам феномен известен еще с XI века. В большинстве кликушами были женщины, которые жаловались, что на них «навели порчу», «наслали бесов».

Примечательна народная вера в возможность управления кликушеской речью с помощью особых магических приемов. Считалось, что уста кликуши выдадут ценную информацию, если обратиться к бесу, повесить на кликушу замок, держать ее за палец, надеть на нее хомут или венчальный пояс.

Очень часто кликуши указывали на подозреваемых злодеев из близкого окружения – родственников, соседей, односельчан. Это сейчас мы понимаем, что подобные обвинения были в большинстве ложными, а в XVII веке названных кликушами людей – «окликанных» – считали колдунами, тащили на суд и предавали пыткам. Считаясь главным и притом неоспоримым доказательством, кликушеский бред активно использовался и для политических наветов, и для сведения личных счетов простолюдинами.

В исторической ретроспективе клевета – единственный

вид злоречия, воплощенный в негласном праве раба выступить против господина. Клевета была воплощенным *голо-сом*, которым зло *высказывало* себя миру. Самовнушение в сочетании с корыстью породили яркий психосоциальный фантом и особый речевой феномен: кликушество сделало клевету фактически легитимной. И это была самая настоящая черная магия слов.

Кликушеское злоречие служило эффективным инструментом политической борьбы и властного контроля. Картина Апеллеса превратилась из символа в реальность: влекомые Злобой и Коварством кликуши вливались в свиту Клеветы и нескончаемыми вереницами тянулись к царскому трону. Если в Европе этому немало способствовало распространение экзорцизма (церковного обряда изгнания бесов), то в Московском государстве – усиление суеверий после никонианских реформ и церковного раскола. К «услугам» кликуш прибегали, в частности, сторонники царицы Софьи для очернительства молодого царевича Петра, а затем – противники Петровских реформ.

Доведенный до белого каления кликушескими кознями, Петр повелел, «ежели где явятся мужеска и женска пола кликуша, то, сих имая, приводить в приказы и розыскивать» (то есть допрашивать под пыткой). Указом 1715 года справедливость была формально восстановлена: отныне судили «притворно беснующихся», а не «окликанных». Но не тут-то было! Изворотливые шарлатанки принялись обвинять людей в

не связанных с бесовством преступлениях: мошенничестве, грабеже, убийстве.

Пустив глубокие корни в народной среде, цепляясь за невежество, питаясь завистью и подозрительностью, кликушеское «мнимостраждие» не сдавало позиций вплоть до конца XVIII столетия. Законодательство Российской империи сохраняло наказания за него вплоть до 1917 года. В современный язык слово «кликушество» вошло со значениями «истерическая несдержанность» и «бестактное политиканство».

Аттракционы памятозлбия

В правотворчестве Петровского времени относительно клеветы наблюдалось все то же расхождение действительности с декларативностью. С одной стороны, в Воинские артикулы 1715 года входила отдельная глава «О поносительных письмах, бранных и ругательных словах», где клевета рассматривалась как отдельное преступление и разделялась на устную и письменную. С другой же стороны, по верному замечанию Василия Ключевского, донос «стал главным инструментом государственного контроля, и его очень чтила казна».

Письменная клевета именовалась *пасквилью* (в женском роде) и считалась более опасной ввиду анонимности. «Пасквиль есть сие, когда кто письмо изготавит, напишет или напечатает, и в том кого в каком деле обвинит, и оное явно прибьет или прибить велит. А имени своего или прозвища в оном не изобразит». За такое полагались шпицрутены, тюрьма или каторга. И «сверх того палач такое письмо имеет сжечь под виселицею».

В ходу была также процедура «очистки от навета» – то есть пытки, с помощью которой изветчика заставляли сознаться в клеветничестве. Причем добровольный отказ от показаний не избавлял от пыток – они применялись повторно, для подтверждения раскаяния. Если доносчик упорство-

вал в своих обвинениях, его с ответчиком «ставили с очей на очи», устраивали очную ставку.

Затем предавали пыткам обвиняемого. Бесчеловечная процедура «перепытывания» увеличивала шанс для утверждения клеветы. Отказ от прежних показаний или частичное их изменение на новой пытке – т. н.

«переменные речи» приводили к утروению пыток. Это жуткое правило цинично именовалось «три вечерни».

Видя массовые злоупотребления доносительством и вняв многочисленным жалобам, в 1714 году Петр I огласил указ, согласно которому обвинителю «ради страсти или злобы» полагалось «то же учинить, что довелось было учинить тому, если б по его доносу подлинно виноват был». Однако это не пресекло злоупотреблений. Преображенский приказ розыскных дел был доверху завален нескончаемыми извещениями.

Извещениями были опустившиеся пропойцы и почтенные отцы семейств, brave вояки и канцелярские крысы, хитрованы и простофили, злоболобивые и малахольные, савонные и безродные... Купцы уничтожали торговых конкурентов, мастеровые сводили внутрицеховые счета, крепостные мстили помещикам за притеснения, арестанты пытались улучшить условия заключения, родственники изводили опостылевших домочадцев...

Установленный порядок стимулировал расторопность извещателей. Так, «просроченные» (запоздалые) доносы вызывали меньше доверия и награждались не столь щедро, чем

заявленные день в день. На практике это превратилось в соревнование в лжедоносительстве, или, по Сенеке, «великое состязание в негодяйстве».

Адольф Шарлемань «Петр I накрывает заговорщиков в доме Цыклера 23 февраля 1697 года», 1884, холст, масло

В топе обвинительных мотивов были ворожба и покушение на государя. Стольнику Никите Пушкину вменили покупку «шпанских мух» и намерение «теми мухами государя окормить». Беглый рекрут Леон Федоров донес на помещика Антона Мозалевского: «ворожит, шепчет и бобами разво-

дит... и знает про государя, когда будет или не будет удача на боях против неприятеля». Рассыльщик Ларионов и подьячий Яхонтов оговорили дьяка Васильева: якобы тот ведает, «как царя сделать смирным, как малого ребенка». Крепостной Илья Ярмасов облыжно обвинил князя Игнатия Волконского в убийстве пяти человек, высечении у них топором сердец и приготовлении колдовского зелья на водке – чтобы «портить государя».

Среди изветчиков встречались настоящие фанатики, для которых клеветничество было извращенным сладострастием, экстремальным спортом и аттракционом памятозлобия. Казалось бы, что общего у беглого солдата Дмитрия Салтанова, казака Григория Левшутина, бывшего драгуна Андрея Полибина и священника Василия Белоуса? Все они специализировались на изветах о покушении на жизнь царя, причем умудрялись инициировать масштабные допросы невиновных, даже находясь уже на каторге.

Клевета породила особый род мученичества, эдакую «антисвятость». Часто это был доведенный до предела ре-сентимент: стремление отчаянного, а нередко и отчаявшегося человека погубить напраслиной как можно больше невиновных. Для таких людей поклеп становился мстью за собственную погубленную судьбу. Вариантом Апеллесовой картины, на которой вслед за Клеветой плелось Несчастье и тащило за собой Бесчестье.

Созданная Петром I циклопическая паутиноподобная ин-

ституция доносительства была упразднена при Анне Иоанновне в 1730 году. Этому способствовали и всеобщая ненависть, и отсутствие ощутимой пользы. Однако на поверку это не возымело особого эффекта в борьбе с ложными обвинениями. В мемуарах графа Эрнста Миниха сообщалось: «Ни при едином дворе, статья может, не находилось больше шпионов и наговорщиков, как в то время при российском. <...> И поскольку ремесло сие отверзало путь как к милости, так и к богатым наградам, то многие знатные и высоких чинов особы не стыдились служить к тому орудием».

Нетерпимость vs полезность

Официальное отношение к доносам по-прежнему оставалось двойственным: каралось как ложное обвинение, так и недоносительство. Что делать в такой ситуации? Приходилось всячески изворачиваться. Блистательную иллюстрацию находим в судебном деле 1732 года. Посадский Василий Развозов заявил, будто купец Григорий Большаков назвал его «изменником», то есть фактически обвинил в государственном преступлении. Григорий измыслил отличную отговорку: дескать, такое слово он вправду говорил, да только не про Василия, а про сидевшего на крыльце пса. «Вот у собаки хозяев много, как ее хлебом кто покормит, тот ей и хозяин, а кто ей хлеба не дает, то она солжет и изменить может, и побежит к другим». Каково!

В 1762 году Петр III упразднил Тайную канцелярию – орган политического сыска и суда, самим существованием которого «злым, подлым и бездельным людям подавался способ, или ложными затеями протягивать вдаль заслуженные ими казни и наказания, или же зlostнейшими клеветами обносить своих начальников или неприятелей». Но клевете все было нипочем: государев манифест не отменял доносительства, запрещалось только принимать показания заключенных и оговоры без письменно оформленных доказательств. Вместо Тайной канцелярии образовалась Тайная экспеди-

ция, куда уже через неделю после обнародования манифеста перешел весь штат сотрудников.

Покуда же шла реорганизация карательного ведомства, в ситуации ослабления властного контроля по кулуарам поползли порочащие государя слухи, что в итоге привело к его гибели и дворцовому перевороту. Безжалостной рукой Клевета затянула ружейный ремень, которым, по легенде, был задушен Петр III. Затем той же рукой был написан ряд исторических сочинений, в которых император огульно именовался «голштинским солдафоном», «беспробудным пьяницей», «духовным ничтожеством».

Екатерина II запретила «ненавистное выражение Слово и дело», за которое отныне предписывалось «наказывать так, как от полиции наказываются озорники и безчинники». Клеветников клеймили литерами «Л» и «С», означавшими «ложный свидетель». Пасквили публично сжигались под барабанный бой на городских площадях. Доносительство уже не считалось проявлением патриотизма и верноподданничества.

Однако и при Екатерине, которой приписывают известное изречение «Доносчики нетерпимы, но доносы полезны», изветчиков не стало меньше. Поубавилось разве что рвения, но не прыти. Примечательно высказывание адмирала Екатерининской эпохи Николая Мордвинова: «Злобный доносчик может самое невинное слово обратить в уголовное преступление и подвергнуть невинно мучению».

Иной раз изветы превращались в изощренное развлечение, жестокую забаву. Так, знаменитый уральский заводчик Прокофий Демидов тешил себя «пашквилями» на брата и даже на приближенных самой императрицы, распространял стихотворные клеветы на сенаторов. В конце концов терпение Екатерины лопнуло – и она повелела публично под виселицей сжечь письма Демидова. Но неистощимый в злоязычных фокусах сумасбродный богач выкупил все квартиры окнами на площадь с виселицей, приказал накрыть в них роскошные столы для приглашенных друзей, нанял два оркестра, хор песенников – и трапезничал в приятном обществе, наблюдая за сожжением своих пасквилей из окон роскошного особняка.

Процветанию клеветничества в высших сословиях XVIII века немало способствовал фаворитизм. Вот где был наиточнейший баланс между моральной «нетерпимостью» клеветы и ее «полезностью» для власти! Один из многочисленных примеров – анонимная клеветническая биография светлейшего князя Григория Потемкина, написанная саксонским дипломатом Георгом Гельбигом. Биография публиковалась отдельными частями в журнале «Минерва» с 1797 по 1799 год и без какой-либо проверки перепечатывалась многими европейскими издательствами.

Едва ли не половина всех доносов Екатерининского времени, согласно подсчету историков, были «неправыми», то есть ложными. Борьба за личное расположение монарха и

его особую милость становилась тиглем для выплавки искуснейших клевет. Фаворитизм был механизмом возгонки ре-сентимента, превращал клевету в летучий газ, проникавший в самые отдаленные уголки огромной империи.

Участь Чацкого

Соотношение «нетерпимости» и «полезности» клеветы кардинально не изменилось и в XIX столетии. Попадались, правда, крепкие орешки вроде Петра Чаадаева, чья жизненная история послужила сюжетной основой комедии «Горе от ума».

Незаурядный мыслитель, интеллектуал европейского склада, обличитель николаевского режима, Чаадаев был официально объявлен сумасшедшим. Денис Давыдов и Николай Языков сочинили стихотворный пасквиль, в котором издевались над его «Философическим письмом». В Большом театре шла сатирическая комедия Михаила Загоскина, где высмеивалось чаадаевское вольнодумство.

Однако Чаадаев продолжал участвовать в публичных мероприятиях и держался даже франтовато, реагируя на клевету с истинно философским спокойствием. Впечатленный его выдержкой Николай I наложил следующую резолюцию на доклад о прекращении лечения: «Освободить от медицинского надзора под условием не сметь ничего писать». Петру Чаадаеву до конца его дней запретили наносить визиты. Глубина мысли и смелость поступков выдающегося человека были сведены к пошлому чудачеству.

Менее известна, но не менее драматична судьба графа Матвея Дмитриева-Мамонова, которого также объявили ду-

шевнобольным за отказ присягать Николаю I, да еще и подвергли принудительному лечению с целью добиться покаяния. Это был один из первых отечественных примеров карательной психиатрии. Обливание ледяной водой, смирительная рубашка, изоляция в подмосковной усадьбе привели графа к подлинному сумасшествию, а затем и к нелепой гибели от ожогов из-за возгорания смоченной одеколоном рубашки.

Еще одна жертва мнимого сумасшествия – брянский заводчик-миллионер Сергей Мальцов. На его организованных по высоким европейским стандартам предприятиях трудилось сто тысяч рабочих. В его заводском округе были своя железная дорога, своя судоходная система, своя полиция и даже свои деньги. Однако проживавшая в Петербурге жена Мальцева не понимала ни масштаба его личности, ни значимости его дела и пустила слух о сумасшествии. Ведь только умалишенный мог спускать кучу денег на простолюдинов, да еще и петь в мужицком хоре.

Затем злонравная супруга адресовала просьбу оградить ее от «спятившего» самой императрице. Жесточайший психологический удар довершается черепно-мозговой травмой в результате несчастного случая. Мальцова признают недееспособным и лишают всех прав на заводскую собственность. Вконец раздавленный, он заканчивает свой век в отдаленном имении.

Участь Чацкого отчасти постигла и самого Грибоедова. На светском рауте он нелестно отозвался об одном прощельге,

после чего был пущен слух о его невменяемости. «Я им докажу, что я в своем уме. Я в них пущу комедией, внесу в нее целиком этот вечер: им не поздоровится», – пообещал обиженный Грибоедов и сдержал обещание. «Горе от ума» – литературный ответ на частную клевету, масштабированный до сатиры на все московское дворянство.

В приведенных историях и множестве аналогичных примеров обнаруживается еще одно онтологическое свойство клеветы, заключенное в известной метафоре «убивающего слова». Словесно оскверненный человек выпадает из общения, исторгается из коммуникации, становится изгоем. Ложное обвинение подобно магическому обряду наведения порчи. Клевета – своеобразный род социального проклятия (подробно – в гл. III).

Фискалы, филеры, сексоты

Что же касается доносчиков-профессионалов, то они никуда не исчезают – только меняют свои названия.

Так, в 1711 году Петр I учредил сначала должность *фискала* (лат. *fiscus* – касса, казна, финансы), обязанного надзирать за исполнением чиновниками государственных служб и царевых поручений, а затем и *обер-фискала* – высшего должностного лица по тайному надзору за финансовыми и судебными делами. В случае выигрыша половина изъятого имущества или штрафа принадлежала фискалу – и он незамедлительно превратился в завятого клеветника, встав в один исторический ряд с греческим сикофантом и римским делаторием.

С «гордым гневом» жалуясь на презрительное отношение Сената, «непотребные укоризны и поношение позорное», фискалы – эти стотысячные «очи государевы» – дено и ноцно рыскали в поисках компромата. Шастали по торговым рядам, присутственным местам, игорным домам, баням, кабакам... Ревностное исполнение фискальных обязанностей почиталось как верноподданническое. В фискалы рвались столь же рьяно, как нынче рвутся в народные депутаты.

Со временем фискальство стало обобщенно-фигуральным названием доносительства и проникло в самые разные

сферы. Наиболее заметно и вопиюще безобразно оно проявилось в образовательной среде, что подробно описано Николаем Помяловским в «Очерках бурсы».

Явилось новое должностное лицо – фискал, который тайно сообщал начальству все, что делалось в товариществе. Понятно, какую ненависть питали ученики к наушнику; и действительно, требовался громадный запас подлости, чтобы решиться на фискальство. Способные и прилежные ученики не наушничали никогда, они и без того занимали видное место в списке; тайными доносчиками всегда были люди бездарные и подловатенькие трусы; за низкую послугу начальство переводило их из класса в класс, как дельных учеников. <...> Ученики вполне справедливо были уверены, что наушник переносил не только то, что в самом деле было в товариществе, но и клеветал на них, потому что фискал должен был всячески доказать свое усердие к начальству.

И вновь, как видим, «полезность» доносов вступает в явный конфликт с его «нетерпимостью». Однако редкий ученический коллектив обходится без наушника, при том что наушник неизменно становится объектом ненависти и преследования.

В XIX веке агенты Охранного отделения и уголовно-сыскной полиции, занимавшиеся наружным, уличным наблюдением и негласным сбором информации, получили название *филеры* (фр. *fileur* – сыщик), или попросту *наружни-*

ки. Основной их обязанностью было доносительство о деятельности революционных кружков, особенно террористических организаций, о сборищах заговорщиков и провокаторов. Агентов браннопренебрежительно называли *шпиками*, *топтунами*, *подошвами*.

Разумеется, среди филеров встречались предатели, корыстолюбцы и просто людишки себе на уме, так что канцелярия клеветы по-прежнему не испытывала недостатка кадров. Случалось, топтун втихаря покидал наблюдательный пост по личной надобности, после чего записывал в отчет наскоро выдуманные сведения. По ироническому замечанию декабриста Гавриила Батенькова, филеры «не могли понимать разговора людей образованных» и посему «занимались преимущественно только сплетнями».

К концу столетия с усилением революционных настроений выросла и армия «двойных агентов», трудившихся одновременно на правительство и на его врагов. Из самых известных и одиозных – Евно Азеф, секретный сотрудник Департамента полиции, а также «по совместительству» один из руководителей партии эсеров.

В конце позапрошлого столетия появляется еще одно понятие – *сексот* (сокращ. «секретный сотрудник») – штатный осведомитель жандармских управлений. Затем оно перешло в лексикон советских силовых ведомств. Поставщик эпизодических сведений звался на жаргоне *штучиком*.

В целом же российское законодательство XIX века бы-

ло уже не столь ревностно в отношении клеветы. С одной стороны, доносительство уже не только не вменяется в обязанность как неперемное условие гражданского благочестия, но воспринимается как противоречащее порядочности. С другой стороны, ложное обвинение карается не так строго: штрафом и тюремным заключением до восьми месяцев. Устрашением для потенциальных клеветников служило установление высшей меры наказания за тоекратную подачу необоснованной жалобы. Правда, правоприменение этой статьи исчислялось единичными случаями.

Многовековая и многотрудная работа российского правоведения по квалификации состава клеветы завершается на рубеже столетий Уголовным уложением 1903 года, в котором клевета сливается с диффамацией в обобщенное понятие *опозорение* — умышленное разглашение каких-либо обстоятельств, «роняющих человека в глазах других людей, вредящих его доброму имени». Но и заключенная в строгие юридические формулы клевета по-прежнему остается неуловимой и неизменно вредоносной.

Змея с зелеными глазами

В отличие от европейской, русская литература в меньшей степени тяготела к символизации клеветы. Многие произведения – как фольклорные, так и авторские – подробным изложением мотивации персонажей и однозначностью оценок их поступков напоминают протоколы судебных дел. В центре повествования – пусть и вымышленный, но факт.

В народе ходили устные пересказы датированной XII веком славянской «Повести об Акире премудром» о мудреце, ставшем жертвой клеветы приемного сына. Позднее пользовалась популярностью «Повесть о царице и львице» о злоключениях царицы, ложно обвиненной в супружеской неверности и изгнанной в пустыню. В другой известной «Повести о Савве Грудцыне» жена оговаривает любовника перед супругом. В первой половине XVIII столетия ходила в списках «Повесть о царевне Персике» об оклеветанной мачехой царской дочери.

Все эти тексты объединяет не только мотив мести, но также идея нравственного выбора, который совершается героями либо через анализ обстоятельств, либо по велению души. Здесь выясняется, что клевета не только ядро всего злодеяния, но и средоточие человеческих пороков вообще. Помимо зависти, это трусость и нерешительность, глупость и легковерие, гордыня и своенравие.

С конца XVIII – начала XIX века клевету начинают препарировать профессиональные литераторы. Один из первых опытов – басня Крылова «Клеветник и змея», очередное напоминание о Демосфеновом змееподобном сикофанте. Змея и Клеветник спорят в аду, «кому из них идти приличней наперед» и «кто ближнему наделал больше бед». Змея одерживает верх, похваляясь ядовитым жалом, но Вельзевул все же признает победу за Клеветником, чей злой язык способен язвить так далеко, что от него «нельзя спастись ни за горами, ни за морями».

Тема очернительства развивалась и в прозе. Княжна Мими из одноименной повести Одоевского – униженная светскими предрассудками старая дева – мстит за свое одиночество распространением клеветы, из-за которой гибнет ни в чем не повинный человек. Такова же и графиня Мавра Ильинична – одинокая злобная клеветница – из романа Герцена «Кто виноват».

Софья Каликина «Спор клеветника и змея о первенстве в аду», нач. XX в., бумага, тушь, граф. карандаш, темпера

Тот же аллегорический образ – в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам»: клеветницу после смерти мучают выползающие из ее уст змеи.

О клевете и мучительные, исполненные то выспренной назидательности, то философского смирения, то отчаянно-трагизма рефлексии Пушкина в «Евгении Онегине» («Я только в скобках замечаю, что нет презренной клеветы, на

чердаке вралем рожденной и светской чернью ободренной»); «Борисе Годунове» (призыв Шуйского «народ искусно волновать»). Мотив клеветы – и в «Анджело» («Знай, что твоего я не боюсь извета»), «Сказке о царе Салтане», стихотворениях «Клеветникам России» и «Памятник». Не говоря уже о том, что сам поэт «пал, оклеветанный молвой».

Лживые рассказы Грушницкого о Печорине – пружина сюжета «Героя нашего времени». О клевете с горечью писал Некрасов: «Снежным комом прошла-прокатилася Клевета по Руси по родной». Сатира в прозе Салтыкова-Щедрина «Клевета» – о разнообразии социальных оттенков и речевых приемов очернительства. В рассказе Чехова «Клевета» герой пугается подозрений во фривольности с кухаркой и, желая упредить поклепщика, решает самолично поведать о щекотливом эпизоде. Эффект достигается ровно противоположный: через неделю информация возвращается к герою в форме злостной клеветы.

Изветчики, наговорщики, наушники шагают по страницам русской литературы, наглядно демонстрируя, как глубоко и прочно клеветник укоренен в лживых измышлениях, как упорствует в возведении напраслины. Титан клеветы готов свернуть горы слов, вытащить из бестиария злоречия всех пресмыкающихся, насекомых и птиц, чтобы во всеоружии идти войной на Истину. Но изящная словесность не только исправный поставщик поучительных сюжетов, но и своеобразный «аннотированный каталог» жизненных об-

стоятельств, речевых ситуаций, коммуникативных сценариев клеветы.

Василий Перов «Наушница. Перед грозой», 1874, бумага на картоне, тушь, карандаш

Раз все ее товарищеские попытки отвергнуты и ведут только к глумлению и обидам, – так черт же с ними, с этими злыми дурами и негодяйками! Она тоже пойдет против них – примкнет к силе, пред которою они трепещут. До сих пор она нисколько не злоупотребляла своим положением «экономкиной душеньки», теперь стала давать его чувствовать всем, кто показывал ей когти. Наушничала и даже клеветала, навлекая на товарок-врагинь ругань и побои Федосьи Гавриловны, которая со дня на день все больше души не чаяла в своей «Машке» и верила ей безусловно.

[Врагини, понятно, тоже принимали меры безопасности]: бегали к Федосье Гавриловне в больницу и наушничали ей на Машу всевозможные сплетни и клеветы.

(Александр Амфитеатров «Марья Лусьева»)

Не менее наглядно литература отображает разноплановость клеветы, художественно убеждая в том, что очернительство может быть не только выражением зависти и способом самоутверждения, но и средством от скуки, психологической самозащитой, «антиспособом» выживания. Последний случай находим в романе Александра Амфитеатрова «Марья Лусьева» (1903).

Серебряный век русской литературы развивает традиционные мотивы клеветничества, используя устойчивые образные клише. «Что клевета друзей? – презрение хулам!» –

вслед за Пушкиным рассуждает Брюсов. Пастернак показывает неизбывность клеветы: клеветают «правдоподобье бед», «рукопожатье лжи», «ничтожность возрастов». В стихотворении Сологуба клевета – «лиловая змея с зелеными глазами», а в романе «Мелкий бес» выведен эталонный клеветник Передонов, одновременно одержимый манией преследования доносчиками. Змееподобный образ клеветы находим и у Ахматовой: «И всюду клевета сопутствовала мне. Ее ползучий шаг я слышала во сне».

Не обнаруженный нами ни в одном отечественном произведении изобразительного искусства архаический образ клеветы разнообразно варьируется в литературном творчестве. Однако вряд ли стоит говорить о том, что европейская культура рефлексировала клевету больше визуально, а российская – вербально. Это было бы слишком абстрактным обобщением без достаточных аргументов. Корректнее предположить универсальность мотива клеветы и его избирательную востребованность художниками и писателями.

Лучше стучать

В период революционных событий и Гражданской войны клеветничество вновь обретает яркую политическую окраску. В 1918 году одиозную фигуру предателя и доносчика отливают в пятиаршинный памятник Иуде Искарриоту и торжественно устанавливают в Свияжске. Правда, грозящий небу Иудушка не простоял и двух недель – был потихоньку демонтирован и утоплен в Волге.

Уголовным кодексом СССР 1926 года клевета обособляется в отдельное преступление. Диффамация декриминализуется и даже поощряется, что уточняется в комментариях к УК: «Государству и обществу важно знать, что из себя представляет тот или иной гражданин. Тот, кто сообщает о таком согражданине что-либо, хотя бы и позорное, конечно, оказывает тем помощь в деле оценки его личности». Известный деятель ЧК-ОГПУ Мартын Лацис заявил, что «каждый коммунист обязательно должен быть стражем рабочей и крестьянской власти и донести последней обо всем, что он увидел, и пособить, где это потребуется, изловить заговорщиков, подкапывающихся под новые устои пролетарского государства».

Клевета упоминается в марше Корниловского полка («Пусть вокруг одно глумленье, клевета и гнет...»), гимне донских казаков («Друзья, не бойтесь клеветы!»), известном

афоризме Горького («Клевета и ложь – узаконенный метод политики мещан»).

При этом, с одной стороны, все не соответствующее коммунистической идеологии объявляется клеветой. С другой стороны, муслируется идея о том, что монархию можно было сохранить, если бы граждане не руководствовались «архаическим» понятием чести, а оповещали официальные органы о деятельности революционеров. Такого мнения придерживался, в частности, публицист Иван Солоневич. Однако рассуждать было уже поздно – оставалось только лавировать между моральными принципами и декларациями о гражданском долге.

Клевета становится легитимной практикой и одним из методов государственной политики: классового врага можно и нужно уничтожать прежде всего словесно. Велеречивые выступления с трибун, многословие советских вождей, небывалая популярность диспутов, жанр идеологической проработки (гл. V), товарищеские суды – все это речевые стратегии борьбы за власть.

В сталинский период клевета становится коммуникативной доминантой, численно превышая даже славословия «великого вождя, отца народов». Клеветнические речи сливаются в многомиллионный хор, на доносы изводятся тонны бумаги. Здесь нельзя не вспомнить также известный риторический вопрос Сергея Довлатова: «Мы без конца ругаем товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу

спросить: кто написал четыре миллиона доносов?»

Очернители доходили до вершин наглости на грани с комизмом. Один такой случай обнаружил А. А. Жданов на XVIII съезде ВКП(б). «В одном из районов Киевской области был разоблачен клеветник Ханевский. Ни одно из многочисленных заявлений, поданных им на коммунистов, не подтвердилось. Однако этот клеветник не потерял присутствия духа и в одном из своих разоблачительных заявлений в обком КП(б)У обратился с такой просьбой: “Я выбился из сил в борьбе с врагами, а потому прошу путевку на курорт”».

Извращенность массового сознания, порочная созависимость страха доносительства и, одновременно, страсти к очернительству отражены в известной поговорке: *Лучше стучать, чем перестукиваться*. Популярные названия доносчика *стукач* и (позднее) *дятел* заимствованы из воровского аргота. Этимология второго слова прозрачна, а происхождение первого связывают с набором анонимных доносов на пишущей машинке в целях сокрытия почерка. Согласно другой версии, это напоминание о временах Алексея Михайловича, когда изветчики потихоньку являлись к Тайному приказу и стучали в окошко.

Новым содержанием наполняется образ кликуши, возводящей напраслины притворным сумасшествием. Известна масса случаев кликушеского очернительства, аутентичных представлениям советской эпохи. Эту практику реалистично описал Владимир Тендряков в рассказе «Параня». Деревен-

ская дурочка объявляет себя сначала «невестой Христовой», а затем «невестой вождя», и принимается разоблачать «врагов народа». В контрасте образов «Сталин» и «Спаситель» обнажается страшная сущность клеветы: не в силах вещать устами божества, она высказывает себя устами убожества.

Национальный спорт

Парадоксально, но и показательно, что с развенчанием «культы личности» стукачество не исчезает, лишь меняет регистр – с политического на бытовой. Анонимки на неугодных сослуживцев, чиновников-бюрократов, зарвавшихся работников торговли, соседей по коммуналке – разновидность «национального спорта» в СССР.

В стихотворении с аллегорическим названием «Оркестр» Константин Симонов выводит образ музыканта, который «путал музыку с клеветами, на каждого сажая по пятну». Нездоровый психологический климат, яд всеобщей подозрительности, превратное понимание гражданского долга правдиво описаны Эдуардом Асадовым в стихотворении «Клеветники»: «...И ползут анонимки, как рой клопов, в телефонные будки, на почты, всюду...» Развивая зооморфную метафорику клеветы, поэт язвительно называет поклепщиков «жучками-душеедами».

Поскольку клеветой объявлялось все шедшее вразрез с генеральной линией КПСС, логичной и закономерной была реконструкция ответной формы клеветничества – обвинения в сумасшествии. Неугодным тоталитарной власти гражданам грозила принудительная госпитализация, насильственное лечение, постановка на медицинский учет на основании мнимого психиатрического диагноза. Репрессивная (ка-

рательная) психиатрия использовалась как способ личностного психоподавления, общественной дискредитации, лишения прав и ограничения деятельности инакомыслящих.

У истоков этой практики в СССР стоял выдающийся психиатр с мировым именем А.В. Снежневский, предложивший концепцию «вялотекущей шизофрении», которая стала применяться для обоснования «невменяемости» диссидентов. Сложно оценить однозначно, был ли это политический заказ и, значит, злонамеренное вредительство или же искренняя убежденность академика в расширительной трактовке и гипердиагностике заболевания. Однако факт остается фактом: мнимое отождествление протеста с психозом искалечило судьбы многим общественным активистам и правозащитникам, среди которых Владимир Буковский, Жорес Медведь, Наталья Горбаневская, другие узники совести.

В целом же «для руководства всякие предсказания, не соответствующие его сегодняшней демагогии, суть клевета». Эти слова из романа известного критика советского режима Александра Зиновьева «Зияющие высоты» (1974) применимы ко всему периоду СССР. Клеветой автоматически считалось все, о чем молчала официальная пропаганда.

Зиновьев также был подвергнут принудительной психиатрической экспертизе, затем последовали исключение из комсомола, из института, из общественной жизни. К счастью, клевета преследовала его, но не убила – впоследствии Зиновьев стал выдающимся ученым и философом мировой ве-

личины. Признанные вопиющим образцом антисоветчины, лишившие автора всех научных званий «Зияющие высоты» переведены на двадцать языков.

«Алмазная оправа»

В постсоветский период клевета становится объектом целенаправленного исследования. Впрочем, акцентируется преимущественно социально-исторический аспект, тогда как коммуникативная сторона и речевая основа клеветы почти не рассматриваются. Из русскоязычных изданий назовем научно-популярную книгу Владимира Игнатова «Доноски в истории России и СССР», из зарубежных – работу немецкого ученого Карола Зауэрланда «Тридцать сребреников», самая объемная часть которой посвящена осведомительским практикам нацизма.

Параллельно с научным осмыслением идет правотворческая корректировка квалификации клеветы. В настоящий момент почти во всех европейских государствах клевета считается гражданским либо уголовным преступлением. С 2012 года в России предусмотрена уголовная ответственность за клевету – до двух лет лишения свободы. Понятие доноса сохранилось в правовом контексте только в значении «ложный донос».

Заметная тенденция современности – постепенная декриминализация клеветы, ее вывод из состава уголовных правонарушений. Это вызывает горячие споры. С одной стороны, все активнее указывают на губительность клеветы не только для репутации обвиняемого, но и его здоровья, а иногда и

жизни (например, инфаркт или инсульт как следствие наветов).

С другой стороны, в юридической практике все чаще фиксируются случаи злоупотребления клеветническими обвинениями – именованная клеветой других типов высказываний: критики, обличения, порицания (гл. V). Необоснованные обвинения в клевете сами становятся клеветническими. Так замыкается порочный круг злоречия. Клевета становится уже не просто обыденностью, но псевдонормой.

Появление поисковых интернет-систем существенно расширило возможности для сбора «компромата». Ловко уклоняясь от ответственности, клеветник цифровой эпохи использует анонимные источники фактов и утратившие авторство, растиражированные интернет-посты. Иллюзия свободы и безнаказанности клеветы в виртуальном пространстве заметно усовершенствовали ее возможности. Коварной деве на картине Апеллеса современность пририсовала пуленепробиваемый костюм, а ведущим ее Злобе и Зависти вручила ноутбук и смартфон.

Декодирование культурных смыслов и эксплуатация архетипов в актуальном искусстве наделили клевету новыми метафорами. Английский художник Освальдо Масиа реконструировал картину Апеллеса с помощью запахов, специально для этого созданных голландским парфюмером Рикардо Моея. Запахи поместили в контейнеры маятников, раскачивающихся с разной амплитудой в пустом пространстве.

Получился собирательный ольфакторный (запаховый) образ клеветы, образованный эмоциями персонажей знаменитой картины.

Так древнейший сюжет встроился в бесконечный ряд современных возможностей творческого самовыражения. «Что клевета?! – Алмазная оправа, В ревнивых призмах преломленный свет. Скрепленная такой печатью слава Живет, не умирая, сотни лет». Это стихотворение Юнны Мориц хорошо отражает эволюцию общественного сознания, неизменного в базовых представлениях и переменчивого в актуальных тенденциях.

Клевета не только образует «сердцевину» злоречия – она занимает особую ячейку коллективной языковой памяти, извлекаясь оттуда «по мере надобности» то в виде речевого оружия, то в виде арт-объекта.

Глава II

«Кусательные словесы». Оскорбление

И не было у нас для них других слов, как сволочь, шантрапа и прохвост.

А. И. Куприн «С улицы»

*А нам грубиянов не надо. Мы сами грубияны.
Илья Ильф, Евгений Петров «Золотой теленок»*

Он всегда недолюбливал людей, которые «никого не хотели обидеть». Удобная фраза: произнес ее – и обижай кого хочешь.

Терри Пратчетт «Правда»

Эмблема оскорбления, гравюра из книги «Полезныя и занимательныя эмблемы, избранныя из лучших и превосходных писателей», 1816

Прилично только слабому оскорблять. И так, по мнению Аристотелеву, оно свойственно молодости, поелику не имеет оно силы употребить другого оружия для изъяснения своего гнева. Представляют оное в положении молодой девицы в положении гордом, имеющей глаза воспламененные; пеня-

щие ее уста означают действия смещения души; раздвоившийся язык, наподобие змеиного, имеет отношение к ядовитости ее выражений. Она держит розгу, составленную из терния, и попирает ногами весы для означения, что поступает несправедливо.

Так раскрывается сущность оскорбления в книге 1816 года для детей и юношества «Полезные и занимательные эмблемы, избранные из лучших и превосходных писателей». К тому времени девица с пенящимися устами прожила долгую жизнь в языке и культуре, но нисколько не состарилась и по-прежнему потрясает розгой, попирая весы справедливости. А нам остается лишь изучать ее бурную, но бесславную биографию.

Человек – рана

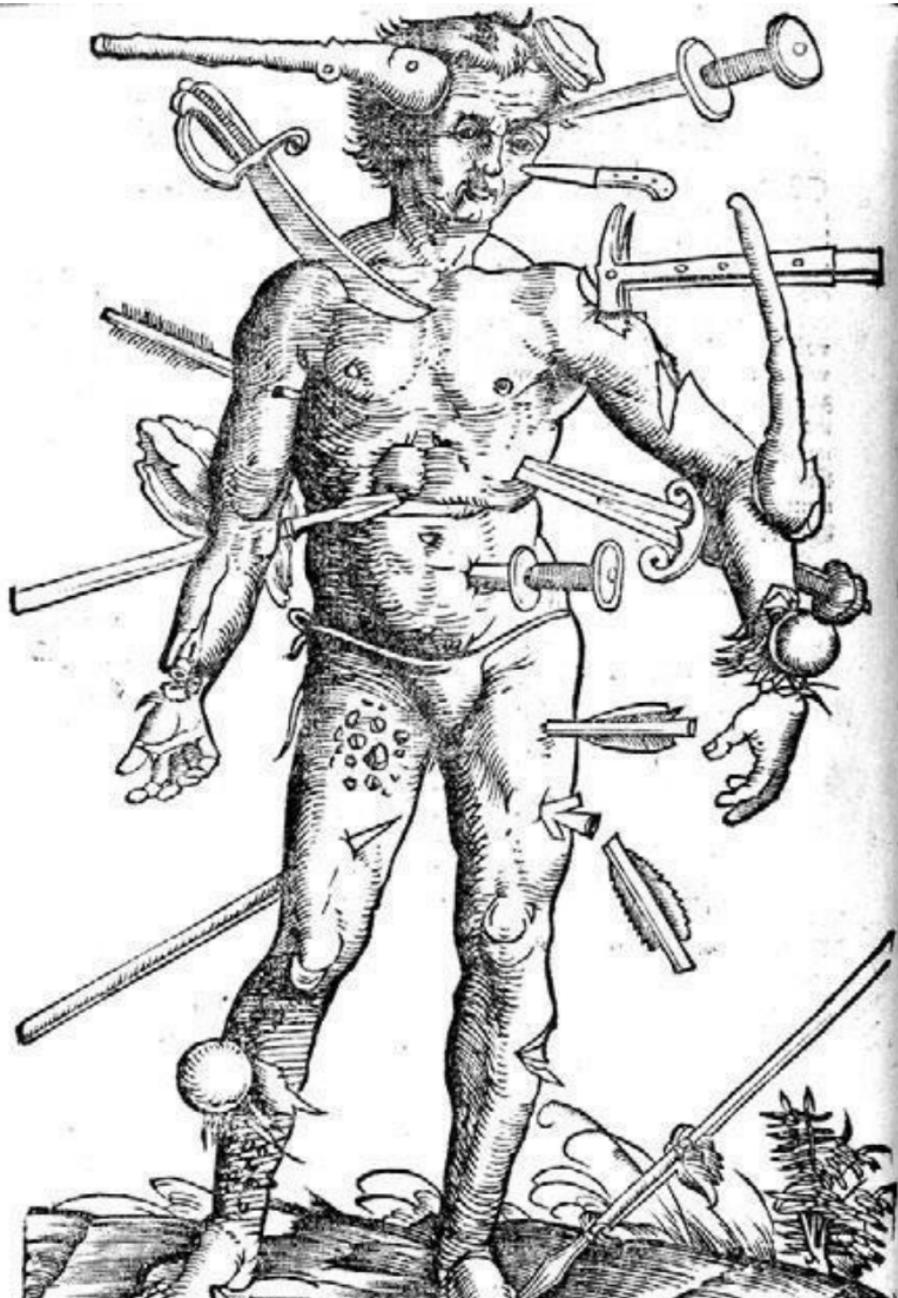
При кажущейся размытости и неопределенности понятия оскорбления оно определяется весьма просто – как любое слово или выражение, содержащее обидную характеристику адресата, наносящее ему моральный урон, нацеленное на унижение достоинства и дискредитацию личности.

Основной механизм оскорбления – оценочный сдвиг: несоответствие самооощущения человека и представления о нем других людей. Оскорбление строится на двух коммуникативных стратегиях: создание словесного «антиобраза» и социального «антипортрета» личности либо (более мягкая) умаление личности, минимизация ее положительных качеств.

В оскорблении моделируется ситуация нарушения адресатом культурных требований, социальных норм и моральных табу. Иначе говоря, оскорбляющий приписывает адресату негативные – осуждаемые, постыдные, неприглядные – свойства. Яков Козельский, надворный советник и секретарь сената, в «Философических предложениях» 1768 года дал этому точное и емкое определение: «Хула есть рассказывание несовершенств».

Этимологически слово *хула* общего происхождения со словом «хилый» со значением «стигаться, наклоняться». Буквально хула – «поклонение при унижении». Согласно

толковым словарям, оскорблять – значит *обзывать, поносить, лаять, хулить, срамословить, крыть (матом, последними словами)*... И уже во внутренней форме самого слова *оскорбление* заключается его неблагоприятная цель: заставить *скорбеть*, вызвать огорчение, причинить душевную боль.

*Человек-рана (Wound Man), илл. из пособия по хирургии
Ганса фон Герсдорффа, 1519, ксилография*

Латинский эквивалент оскорбления – *con-tumelia* ← *contemno* (резать). Эта образность просматривается в разных лингвокультурах.

Так, кабардинский эпос повествует о маленьком отважном племени «Заячьи наездники», которое бесстрашно вступает в единоборство с великанами-злодеями и одерживает победу. В одном только уязвимы наездники: от оскорблений они умирают.

Повреждающая суть оскорблений отражена и в русских пословицах. *Жало остро, а язык острей того. Недоброе слово что огонь жжет. Рана от копья – на теле, рана от речей – в душе. Бритва скребет, а слово режет. Слово не стрела, а пуще стрелы разит.*

Символической иллюстрацией оскорбления может служить схематическое изображение ранений, полученных на войне или при несчастном случае. Жертва оскорбления – «человек-рана».

Оскорбляющий, с одной стороны, нарушает границы нормативного общения, с другой – посягает на достоинство адресата. Отсюда фигуральные выражения *задеть за живое* и *достать (кого-либо)*. Причем оскорбление отрицательно воздействует не только на адресата, но и на свидетелей, очевидцев. Очень точно это подмечено Николаем Гариным-Михайловским в семейной хронике «Гимназисты»: «Начнет,

бывало, Корнев без церемонии ругать кого-нибудь, а Карташов чувствует такое унижение, как будто его самого ругают».

Поцелуй корову в зад!

Какие именно слова относятся к оскорблениям? Прежде всего, это бранная лексика, употребляемая в прямом – агрессивном, враждебном – значении. Для общего именованя таких слов и выражений используется лингвистический термин *инвектива* (лат. *investiva oratio* – грубая, ругательная речь ← *invehere* – бросаться, нападать). В древнеримской культуре он означал ругань, адресованную конкретному лицу; персональные словесные нападки. Инвектор – оскорбляющий; инвектум – оскорбляемый.

Chez Aubert & Cie 21 de la Bourse 13.

Imp. Aubert & Cie

- Laissez dire un peu de mal de vous . . . laissez dire . . . tout à l'heure, moi, je vais injurier toute la famille de votre adversaire ! . . .

Оноре Домье «Спокойно снесите их оскорбления... Пусть

говорят... сейчас я сам оскорблю всю семью вашего противника!..», литография из серии «Люди правосудия», 1847

Основную группу оскорблений составляют указания на недостойное, вызывающее, аморальное, преступное поведение: *подлец, бандит, мошенник, изменник, шарлатан, изверг, кровопийца...* Многие подобные слова происходят из вульгарного просторечия, сопровождаемого в толковых словарях пометами «грубое», «бранное», «презрительное», «неодобрительное»: *дурак, молокосос, слюнтяй, сопляк, крохобор, прихвостень, мымра, тупица, потаскуха, хабалка...* Наибольшей грубостью отличаются личные оскорбления, производные от обценнизмов (см. гл. XIII) вроде *долбоеб, пиздобол, хуесос*.

Оскорбления могут строиться на негативных метафорических переносах. Основные метафоры оскорбительного характера:

- зоологическая (*баран, осел, корова, свинья; гад, скот, зверье*);

скатологическая – анально-фекальная (*говнюк, засранец, бздун, дерьмодед*; ср.: англ. *asshole*, ирл. *gob-shite*, фр. *merdeux*, итал. *stronzo*, исл. *hringvoovi*);

сексуально-перверсивная (*извращенец, пидор, дрючер, трахнутый*; ср.: англ. *motherfucker*, исл. *fraendseroir, rollurioari, afatottari*);

родовая – указывающая на неблагородное и незаконное

происхождение (*выблядок, байстрюк, сукин сын, сучий потрох*; ср.: лат. *nothus homo, spurious*, англ. *son of a bitch, bloody bastard*, нем. *Hurensohn*, фр. *fils de pute*, исп. *cabron, malparido*, итал. *figlio di putana*);

профессиональная – ассоциирующая адресата с презираемыми занятиями (*палач, живодед, ростовщик, коновал*);

медицинская – соотносящая адресата с носителем заболевания (*псих, кретин, дебил, даун, шизик, параноик, маразматичка*);

предметно-обиходная (*тряпка, тюфяк, швабра, пробка, тумба, мочалка*).

Особым эмоционально-деструктивным воздействием обладают «расчеловечивающие» оскорбления: *урод, чучело, страшилище, мутант, монстр, нелюдь* и т. п.

Общеизвестны, но в настоящее время не очень употребительны отыменные оскорбления (*каин, ирод, иуда*), в том числе литературного происхождения (*цахес, альфонс, плюшкин*). Оскорбления могут быть и вовсе индивидуально-авторскими и однократно употребленными в произведении. Много примеров можно найти в шекспировских пьесах, в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Рабле. Некоторые из них становятся прецедентными – то есть общеизвестными, понятными многим людям, широко используемыми в разговорном обиходе. Вспомнить хотя бы *жертву аборта* из «Двенадцати стульев».

По способу выражения можно выделить оскорбление пря-

мое (построенное по формуле «Ты – Х»), косвенное («Ты похож на.») и смещенное (направленное на родственников или друзей адресата, его занятия, хобби, персональные предпочтения и т. п.). Выразительную иллюстрацию последнего рода оскорблений находим в романе Александра Амфитеатрова «Марья Лусьева» (1903).

...Король питерских безобразников, миллионер-мучник и пряничник Корлов, истыкал злополучное полотно лже-Маковского зонтиком в самых неподобных местах. Приблизительно на половине второй бутылки финь-шампань, он пришел к убеждению, что он совсем не Корлов, но царевубийца Желябов, а потому обязан произвести террористический акт. И, за неимением лучшего объекта, обрушился на безглагольное и недвижимое изображение Жени Мюнхеновой:

– А, шукура, великокняжеская наложница! Ты нашу русскую кровь пить? лопать народные деньги, добытые трудовым потом мозолистых рабочих рук? Врешь! Не допущу! Сокрушу! Вот тебе, польская стерва, – получай в брюхо! От сына своего отечества, – получай в сиськи! От внука верноподданных крестьян, освобожденных манием великодушного монарха от крепостной зависимости по манифесту 19 февраля, – получай во все места!..

Существуют также особые речевые приемы конструирования и словесные средства усиления оскорблений. На-

пример, преднамеренное искажение слов умножением букв, слиянием словоформ, ненормативным словообразованием: *дерьмократ, филолух, журналюга, авторесса, менеджер, православнутый, овулядь*. Образованию оскорбительных именований может служить и графика: написание личного имени со строчной буквы как выражение презрения; написание прописными буквами инвективной части фразы с целью особого выделения и т. п.

На обиженных воду возят

В функции оскорбления может выступать практически любое слово, негативно характеризующее адресата. Субъективизм всякой оценки отмечен еще в Послании к римлянам святого Апостола Павла: «Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто» (14: 14). Из художественной литературы вспомним сцену из «Мастера и Маргариты»: Иешуа не считал оскорблением брошенное ему Левием Матвеем слово «собака», поскольку «не видел ничего дурного в этом звере, чтобы обижаться на это слово».

Оценочная субъективность приводит к тому, что в бытовом общении, повседневном речевом обиходе за оскорбление можно принять едва ли не всякое обидное высказывание. Однако наряду с обиходно-бытовым есть правовое, юридическое определение: *оскорбление* – умышленное унижение чести и умаление достоинства, выраженное в неприличной форме. Сужая содержание и конкретизируя суть понятия, это определение применяется в лингвистической экспертизе для вынесения судебных решений.

Франсиско Гойя «Качели», 1792, холст, масло

Таким образом, с одной стороны, надо различать оскорбление как речевой жанр и как правонарушение; с другой стороны, необходимо отделять оскорбление как таковое от оскорбительного (обидного, неприятного, досаждающего) высказывания. Словесная формула оскорбления включает прямое, непосредственное, адресное обозначение лица вроде: «N. – дурак». Тогда как высказывания типа: «У N. дурацкий вид» или «N. написал дурацкий роман», – не являются собственно оскорблениями и относятся к враждебным замечаниям.

Потенциально оскорбительны все проявления злоречия: и порицание, и угроза, и насмешка, и клевета... В определенных обстоятельствах оскорбительны сомнение и недоверие («Ты действительно сам диссертацию писал?»); фамильяр-

ность («Что у вас с личиком?»); указание на слабости и просчеты («А вот тут-то у тебя ошибочка вышла!»); умаление успехов и достоинств («Мог бы и лучше выступить»); дискредитация мнения («Это полный бред!»); неприятное или невыгодное сравнение («А Вася лучше рисует»). Однако все эти и аналогичные высказывания не являются оскорблениями ни жанрово, ни юридически.

Обида – прерогатива обиженного. Отсюда поговорки: *На обиженных воду возят; Не дорога лодыга, дорога обида; Обидеть невозможно – можно только обидеться.* Высказывание обидно в сознании адресата, а оскорбительно вне контекста ситуации. Как верно заметил Ларошфуко, «иные упреки звучат как похвала, зато иные похвалы хуже злословия».

Сложнее ситуации, в которых злонамеренность не доказуема либо вообще не ясна. Известный случай – многолетняя обида Левитана на Чехова после публикации рассказа «Попрыгунья», в героях которого и сам художник, и его окружение живо узнали себя. Чехов настойчиво отрицал оскорбительное намерение, оправдывался отсутствием мотивов, напоминал о давней дружбе с Левитаном. Однако тщетно: разительное сходство было не только в портретных описаниях, но и в лексико-стилевом оформлении реплик, выдающих своеобразие речи реальных лиц.

Зачем понадобились писателю столь двусмысленные аналогии – бог весть. Но если подозрения Левитана со товарищи

верны, то «Попрыгунью» можно считать косвенно оскорбительным текстом и примером того, как литературное произведение может стать артефактом злоречия.

Бытует расхожее и небезосновательное мнение: обидеть по-настоящему, глубоко задеть, серьезно рассердить может только близкий человек – друг, родственник, возлюбленный, тогда как обида от постороннего поверхностна и скоротечна. Еще Демокрит заметил: «Вражда с родными гораздо тягостнее, чем с чужими». Та же мысль – в знаменитой сатирико-дидактической поэме Себастьяна Бранта «Корабль дураков» (1494): «Нет вражды неукротимей, чем ненависть между своими».

Способность оскорбить – парадоксальный знак близости, маркер включенности человека в некое сообщество. От знакомого и тем более близкого человека обида действительно злее, горше и памятнее, чем от чужака. При этом, как верно подметил Аристотель, друзей обидеть легко, а врагов – приятно.

«Мерзость, потеха и лоб деревянный...»

Многовековая история оскорблений неразрывно связана с десакрализацией речи – переходом священных слов в разряд обыденных и с юридизацией языка – эволюцией практик правового пресечения злоречия.

Архаическую основу оскорбления, его древнейший прообраз связывают с языческими огненными культами и ритуальными церемониями уничтожения, отправления на тот свет, «погружения в скорбь». Оскорбить – значит символически умертвить, вербально уничтожить. Онтологически оскорбление сближается с такими видами злоречия, как проклятие (гл. III) и богохульство (гл. XII).

Этимологически родственны глагол *ругать*, имя славянского бога огня *Сварог* и латинское слово *rogus* со значениями «костер» и «уничтожение, истребление». Ср. также: др. – англ. *bel* – огонь; нем. *beleidigen* – обижать; польск. *obelga* – оскорбление. Эта версия поддерживается отнюдь не всеми лингвистами, но в данном случае важна сама попытка реконструкции проявлений злоречия из внеречевых архаических практик.

Невозможно точно установить, кто и когда впервые додумался наносить не физические, а словесные удары, но в Древнем мире этим оружием уже пользовались поистине

виртуозно. Оскорбления использовались людьми вне зависимости от социального происхождения и положения в обществе. Однако всерьез воспринимались только оскорбления полноправных граждан. В отношении рабов, чужеземцев и лишенных гражданства понятие репутации, достоинства (лат. *existimatio*) отрицалось.

Основная масса латинских оскорблений основана преимущественно на фекальной и сексуальной лексике. В оскорбительных целях употреблялись также названия разнообразных пороков и преступлений: *ganeo* (кутила, гуляка), *buccelarius* (нахлебник), *biberius* (пьянчуга), *patricida* (отцеубийца), *bustirapus* (осквернитель могил).

В античных текстах встречаются и весьма заковыристые выражения вроде: *saltatrix tonsa* (мужчина-проститутка, букв. «бородатая танцовщица»), *stultus stultorum rex* (тупейший из тупых), *podex perfectus es* (ты полная задница), *canis matrem tuam subagiget* (псы имели твою мамашу).

Древнегреческий поэт Каллимах именовал своих литературных врагов телхинами – подводными демонами-чародеями. Цицерон обзывал политических противников гнилыми кусками мяса. Взаимные нападки Саллюстия и Цицерона сопровождались грязными указаниями на педерастию, проституцию, инцест.

При этом на уровне юридической практики, морального обычая и философской традиции оскорбления неизменно осуждались. Солон, автор первого свода афинских зако-

нов, запретил оскорбительные речи в общественных местах: государственных учреждениях, храмах и т. д. «Когда ты хочешь показать своему собеседнику в разговоре какую-нибудь истину, то самое главное при этом не раздражаться и не сказать ни одного недоброго или обидного слова», – настаивал Эпиктет.

Древние еще не отделяли оскорбление от обиды, принимая за него множество самых разных высказываний: бездоказательные обвинения, резкую критику, выражение строптивости и даже небрежный отзыв о какой-либо профессии на рыночной площади. Страшным оскорблением считался обман, что замечательно отражено в исторической повести Николая Лескова «Оскорбленная Нетэта» о событиях эпохи Тиберия.

Предельно широкое толкование оскорбления было свойственно не только простым смертным, но приписывалось и олимпийским богам. Афродита приняла за оскорбление отказ Дафниса от навязанной ему возлюбленной и в отместку ослепила его или (в другой версии мифа) превратила в скалу. Диану оскорбило надменное признание Хионы в том, что она стала возлюбленной одновременно Гермеса и Аполлона и что сие есть свидетельство ее превосходства в красоте над Дианой. История эта тоже окончилась трагически: богиня-охотница убила Хиону выстрелом в рот.

Артемиду сочла оскорблением непринесение ей в жертву Атреем золотого ягненка и убийство на охоте Агамемноном

(в другом варианте мифа – его братом Менелаем) посвященной ей лани. В свою очередь, для Менелая стало оскорблением похищение супруги Елены, а вместе с ней и царской казны Парисом – из-за чего, собственно, случилась Троянская война.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.